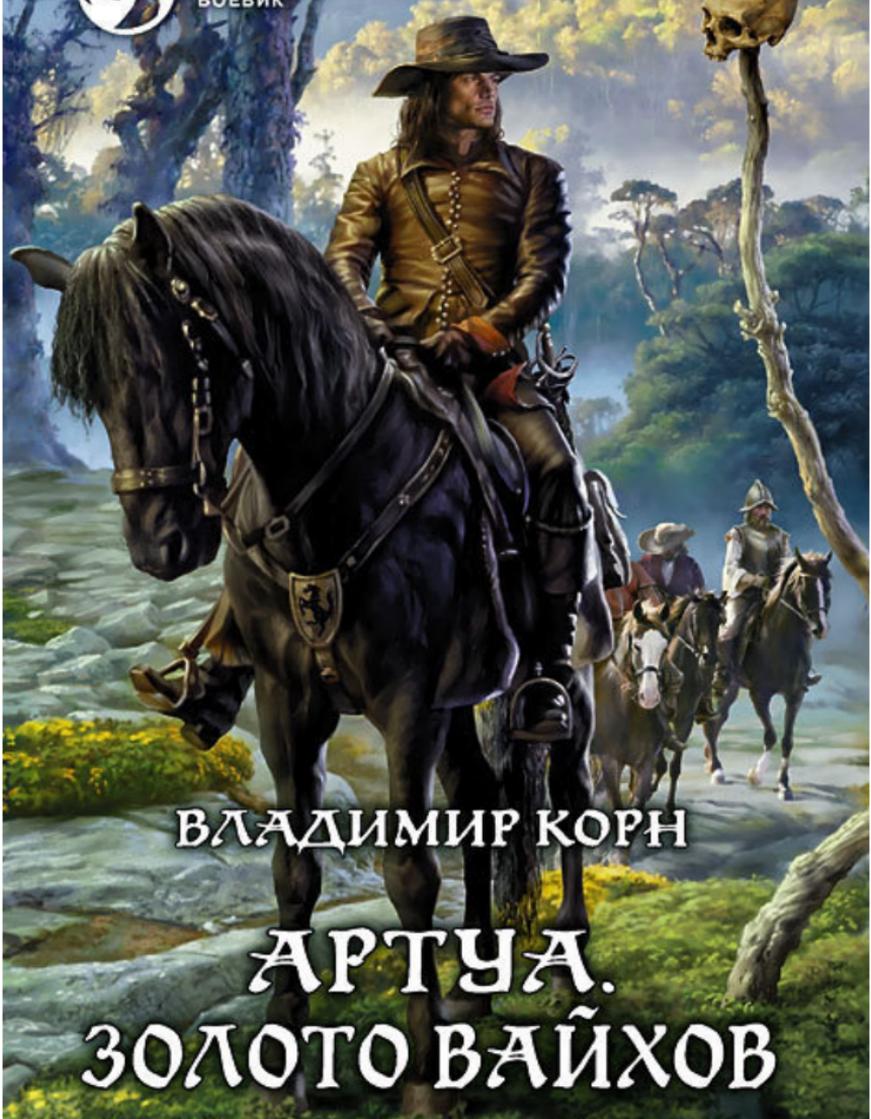

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

АРТУА.

ЗОЛОТО ВАЙХОВ

Владимир Алексеевич Корн

Золото вайхов

Серия «Артуа», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3134305
Золото вайхов: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1057-6

Аннотация

Чего можно добиться за три года существования в новом для тебя мире? Особенно если оказался там против своей воли, голый и босый. Наверное, многого, если обладаешь знаниями, которые будут доступны аборигенам этого мира лишь через несколько столетий. Артуа же удалось добыть себе только баронский титул, черного коня аргхальской породы да маленький домик в столице Империи – Дрондере. Но есть мечта, есть планы и есть карта, полученная в обмен на утерянную любовь. И остается всего лишь пересечь пол-Империи, пройти степи, населенные дикими воинствующими племенами, разыскать в горах каньон, добыть находящееся там золото... и благополучно вернуться домой, чтобы приступить к реализации своих планов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	54
Глава 5	66
Глава 6	95
Глава 7	110
Глава 8	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Владимир Корн

Золото вайхов

Глава 1

Разрешите представиться

Вставать было лень. Чтобы хоть как-то отсрочить тягостный миг, я оглядел комнату. Два окна, стол, стул, что-то вроде сундука и скрипучая кровать подо мной. Убогое зрелище, что и говорить. Но из всех комнат, рассчитанных на одного постояльца, только эта оказалась свободной.

Когда путешествуешь в одиночку, на такие вещи обращаешь особое внимание.

Ничего, десять дней пути – и я буду дома. Всего десять дней. Скорости здесь другие и жизнь другая. Более неспешная, что ли.

Дом, милый дом. Наконец-то он у меня появился. В чужой стране, в чужом мире. Но это мой дом. Первый, хотя мне уже скоро тридцать два.

Дом добротный, каменный, о двух этажах. Еще не особняк, но уже и не хибара. С небольшим двориком – и это почти в центре города! И не просто города, а столицы. Есть повариха и садовник, он же конюх.

Я нашел эту пожилую супружескую пару, когда они, обнявшись, сидели и глядели на пепелище родного дома. И такая тоска была у них в глазах... Понятное дело – ни жилища, ни родственников. Так что мое предложение было принято ими после недолгих уговоров. Хорошие люди. Мне даже пришлось их уговаривать – в такой-то ситуации!

Вообще, здесь, в этом мире, я уже почти три года. Как сюда попал – как-нибудь после рассказа, под настроение.

Дом да дворянский титул – вот пока и все мои приобретения. С титулом забавная история вышла. Но об этом тоже потом. Вставать пора.

У меня и шпага есть – не из кочерги делана. Сталь синевой отдает, а как звучит при ударе! Еще есть конь аргхальской породы. Статный, выносливый, с длинными сухими ногами и маленькой головой – скакун, одним словом. Вороном зову, по масти. А еще есть огромное желание многого добиться в этом мире, коль скоро в родном мире мне это не удалось.

Так... Штаны, рубашка, сапоги, камзол, шляпа, шпага... Мушкетер, блин!

Спустившись на первый этаж, я заказал у трактирщика плотный завтрак с обязательной глазуньей. До вечера остановок не планировалось.

Публика в зале – ничего интересного. Разве что два типа в самом углу кого-то мне напоминают. Ну да бог с ними.

Застоявшийся Ворон нетерпеливо грыз удила. Даже посыпанной солью горбушке не так обрадовался, как седлу. Эх,

молодость, молодость... Все вам дома не сидится.

Городок уже проснулся. В этом мире встают с первыми лучами солнца – электричества еще не изобрели. Значит, быть мне Эдисоном вкупе с Кулибиным. Можно даже на Николу Теслу замахнуться. Но сначала экономическая составляющая.

Вообще, путешествовать в одиночку в этих краях – верх безрассудства. Дороги беспокойны, недавняя засуха оставила многих без урожая, кроме того, как будут писать через много лет в газетах, произошел массовый падеж скота. Цены на продукты взлетели до немыслимых высот. И это в краю, традиционно считающемся житницей Империи.

А кушать хочется. Крестьяне, да и не только они, балуются грабежом на имперском тракте. Да что там балуются – выжить они хотят! Поди объясни голодным детям, что в доме есть нечего.

До бунта дело не дошло: власти вовремя прониклись ситуацией и отправили обозы с зерном и мукой в пострадавшую от засухи местность. С одним из них я и прибыл в Гойнт в сопровождении своего слуги Бробира, с которым расстался буквально на днях.

Имперские егеря тоже делают все что могут, виселицы у дорог не пустуют. Когда-нибудь все войдет в колею, а пока...

Ничего, самый опасный участок, Тейские степи, я уже преодолел, рассчитывая в основном на резвость и выносливость своего скакуна.

В Гойнте, небольшом городке недалеко от Сверендера, центра провинции Тосвер, я разыскивал одного человека, пообещавшего устроить встречу со своим знакомым, который в свою очередь мог свести меня с тем, кто был мне нужен. Вот так, не больше и не меньше.

Что самое интересное, тот, кто действительно был мне интересен, тоже проживал в столице Империи, Дрондере.

Цепочка разорвалась в самом начале, в Гойнте. Даже не знаю, печалиться мне по этому поводу или же, наоборот, радоваться. Слишком уж припахивало от этого дела, а я не могу позволить себе быть неразборчивым сразу по нескольким причинам. И самая главная из них та, что, если занимаешься подобными делами, начинаешь припахивать сам. Сначала едва уловимо, затем все больше и больше, и, наконец, уже ощутимо смердишь.

С Бробиром, своим последним слугой, я расстался не любовно, от души пнув подошвой сапога в пятую его точку, после того как он в очередной раз присвоил себе часть моих денег. Кстати, он уже третий слуга за время моего недолгого дворянства, и со всеми ими мне пришлось по разным причинам расстаться. Не держатся они у меня, видимо, потому, что я от них слишком многого требую: воровать в меру, держаться все время под рукой и хотя бы иногда просыпаться раньше хозяина.

Наверное, и на обратном пути мне следовало примкнуть к какому-нибудь обозу, следовавшему по Сверендерскому

тракту в сторону столицы, но обстоятельства, обстоятельства...

Миновав городскую окраину, я пустил Ворона легкой рысью, наиболее экономичным и комфортабельным в данной ситуации аллюром.

Имперский тракт, крытый каменными плитами, то и дело нырял в тень от растущих по краям деревьев, среди которых изредка попадались такие родные березы. Их было мало, и назывались они совсем по-другому, но один их вид вызывал в памяти воспоминания о далекой родине.

Так уж случилось, что я родился на берегу самого курортного моря страны. Затем меня, еще совсем маленького, увезли во глубину сибирских руд. Отец был романтиком, да и время было такое.

И самое мое первое детское воспоминание связано со стуком колес на стыках рельсов и мелькающими за окном вагона пейзажами нашей необъятной родины.

Другое, что я запомнил из раннего детства, был жуткий мороз, под шестьдесят градусов, как выяснилось уже потом, когда немного повзрослел. Меня не выпускали на улицу, и я развлекал себя тем, что оттаивал глазок на замерзшем стекле. Через него было видно, как мужик в расстегнутом полушубке, надетом на голое тело, и без шапки, скручивал железный трос, укладывая его на свой трактор. У каждого они свои, первые детские воспоминания.

Потом я немного подрос, и мы переехали в большой го-

род, в теплую светлую квартиру, где по утрам зимой не надо было пробивать кружкой лед в ведре с водой. Мама почему-то увидела во мне великого скрипача, чуть ли не Паганини, и отдала в музыкальную школу по классу скрипки. Отец больше заботился о физическом воспитании и отвел меня в спортивную секцию. Причем выбрал достаточно экзотический вид спорта – фехтование.

Затем, когда я подросток и мнение родителей перестало быть решающим фактором, скрипку сменила гитара, а фехтование – бокс. Все крутые парни в нашем дворе умели бренчать на гитаре и хорошо драться, именно они имели наибольший успех у девчонок. Так что мой выбор был осознанным...

Потом я умудрился получить образование, которое перестало быть нужным сразу же после того, как отработал по специальности положенное число лет. А потом меня изрядно помотало по свету... В конце концов я пришел к выводу, что лучше умереть от скуки, чем от приключений. Другое дело, что приключения ищут меня сами и находят довольно успешно.

День уже близился к полудню, и мне все чаще приходила в голову мысль, что не мешало бы подкрепиться парочкой захваченных в дорогу чудных, запеченных в печи цыплят, когда мое внимание привлекли выстрелы, раздавшиеся совсем близко, сразу за поворотом дороги.

В этом мире огнестрельное оружие уже давно завоевало прочные позиции. Ружья и пистолеты имели кремневые зам-

ки ударного типа, но попадались еще и колесцовые. Я тоже имел на вооружении пистолет в седельной кобуре, но отношения у меня с ним были довольно сложные. Слишком уж к другому оружию я привык.

Направив рывком поводьев коня в густой подлесок, я осторожно приблизился, ориентируясь на шум продолжавшейся схватки.

Вообще-то места здесь относительно спокойные, это не окраины Империи, но нарваться на неприятность можно где угодно, это уж как повезет.

Между тем звуки боя нарастали. Снова хлопнул выстрел, потом раздались чей-то протяжный вой, проклятия, звон металла и короткий вскрик. Наконец в просвете деревьев я увидел следующую картину. Сразу за поворотом дорога устремлялась под уклон, к небольшой речушке с перекинутым через нее добротным каменным мостом. Возле него все и происходило.

С первого взгляда можно было понять, что здесь случилось нападение на карету, отмеченную гербом. Сам герб оттуда, где я находился, разобрать было невозможно, но что не имперский, это однозначно. У того уж очень характерные очертания, захочешь – не спутаешь. Так же как ни с кем не спутаешь разбойников – слишком колоритные личности, таких через пару веков в театрах играть будут, тщательно гримируясь.

К тому моменту как я подъехал, все уже закончилось по-

бедой напавших на карету разбойников. Что и немудрено: бандитов было как минимум в два раза больше. Возле кареты, запряженной четверкой лошадей гнедой масти, лежали два трупа. Одно тело принадлежало мужчине в годах с обнаженной шпагой в руке. Другое – юноше, совсем мальчишке. Чуть поодаль имелось еще два, по всей вероятности, это были слуги, сопровождающие карету.

Ах да, вот еще и кучер – тоже мертвый.

Бандиты потеряли как минимум троих. И подранки есть – один стоит на коленях, раскачиваясь из стороны в сторону.

Живых бандитов осталось пять человек. Ага, теперь точно пять: того, что раскачивался, свои же вылечили одним взмахом кинжала. Теперь у него совсем ничего не болит.

От меня до моста совсем близко, даже обрывки фраз долетают, правда не очень разборчиво.

Засуетились бандиты. И действительно, что-то они слишком медлят – в любой момент на них может кто-нибудь наткнуться. Все-таки это имперский тракт, пусть и не с самым оживленным движением. Один из разбойников полез на козлы кареты, уселся поудобнее, разбирая поводья. Наконец тронулся с места.

Остальные осматривают тела погибших в поисках наживы. Что характерно, со своих начали.

Ну что ж, пора и мне определяться. Либо я тихо и мирно провожаю их взглядом, либо...

Их пятеро. А меня – всего один. И мне все это не слишком

надо. Но...

Когда один из бандитов, долговязый такой, заглянул в карету, в ней явно кто-то находился. И, по-моему, женщина. И, по-видимому, совсем молодая.

Затем выяснилось, что это действительно так.

Но дело даже не в этом.

Когда бандит открыл дверцу, он громко, со смехом заявил, чтобы леди подождала немного, совсем чуть-чуть. Потом он наглядно покажет ей, чем отличается настоящий мужчина от ненастоящего, пусть даже и благородных кровей. Да и остальные ему помогут. От нее, мол, не убудет. Если же и убудет, то совсем немного – не век же ей в девицах ходить. И в уговоре насчет этого ничего сказано не было, главное – живой довести. А кто ж от этого умирает? Громко так сказал, чтобы все свои услышали. И «свои» ответили ему одобрительным смехом.

Так не должно быть, честное слово. Но их целых пять. А я по-прежнему один.

Мне вспомнился Горднер – именно его я называю своим учителем – и наш разговор, когда мы больше недели ждали проклятых вирейцев в забытой Создателем деревушке.

– Ты думаешь, оттого что мы от скуки каждый день звеним этими железяками, ты становишься воином?

Я пожал плечами: трудно отвечать на вопрос, когда смысл его не совсем понятен.

– Ты отказался от приличных денег, предпочтя вместо

этого получить баронство. Почему?

Я вновь пожал плечами. Вопрос на этот раз понятен, но на него трудно ответить. Как объяснить, что мне приходится опускать взгляд перед всяким ничтожеством только потому, что у него, в отличие от меня, на боку висит длинная заостренная железяка, как учитель только что назвал шпагу.

– Можешь не отвечать на этот вопрос. Мне и так все ясно. А видел ты, как валяются в ногах императора все эти герцоги и графы, вымаливая себе прощение? Да-да, я видел это собственными глазами, – ответил он на мой невысказанный вопрос.

– Я не стану так делать, что бы ни произошло! – По крайней мере, сам я верил в свои слова.

– Вот потому-то ты мне, наверное, и интересен, – задумчиво произнес Горднер. – Теперь слушай внимательно и запоминай на всю жизнь – не знаю, сколько там у тебя ее осталось. Воином ты станешь в тот же момент, как только поймешь, что умер еще вчера... – И он замолчал, уставившись на меня тем самым взглядом, который трудно, почти невозможно выдержать.

Я же смотрел на его пояс, пытаюсь обнаружить там катану. Слишком по-самурайски он рассуждал, прямо кодекс Бусидо зачитывал.

Нет, катана отсутствовала напрочь. Была только шпага, ножны с дагой и пистолет с колесцовым замком. Горднер предпочитал именно такие.

– Каждый день ты должен думать, что умер накануне, – продолжил он. – А если ты умер еще вчера, тебе нет смысла бояться смерти сегодня. Любой из нас представляет собой то, что о себе думает и в чем не сомневается. Ты воин, хороший воин, но только уже мертвый. По-настоящему же ты умрешь в тот самый миг, когда засомневаешься в этом. Иди и подумай...

Я до сих пор думаю, Горднер. И если бы хоть раз засомневался...

Карета уже преодолела мост, когда я шенкелями послал Ворона вперед.

Момент самый удобный: только один из них успел усесться верхом, поторапливая остальных, отмывающих в речной воде руки от крови.

Вот к нему-то я и направился, разгоняя коня. Он среди них главный, этот человек в шляпе с широкими обвисшими полями и с коротким артиллерийским палахом.

Лошади архальской породы славятся еще и тем, что могут так взять с места в карьер, как другим скакунам даже и не снилось.

Разделяющее нас расстояние мы с Вороном преодолели буквально за несколько мгновений. Главарь среагировал похвально быстро, судорожно схватившись правой рукой за эфес клинка. Когда мы с ним поравнялись, он уже был готов к отражению моей атаки. Но секундой раньше я направил движение Ворона чуть в сторону, даже не пытаясь замедлить

его бег.

Весь расчет был на то, что длина шпаги значительно превышает длину его палаша. Расчет полностью оправдался. Пронсясь мимо, я сделал выпад, наклонившись в его сторону и целясь в горло. Цель не очень удобная из-за своих размеров, но если попадешь – эффект потрясающий.

Я попал точно в цель, резко подав локоть вперед, чтобы не остаться без оружия. Такое бывает, если лезвие слишком углубится и застрянет в теле врага. Клинок выдержал, не сломался, хотя удар получился знатный. Уже на середине моста придержал Ворона, разворачиваясь.

Мой противник сползал с лошади, держась обеими руками за развороченное горло и пуская кровавые пузыри. Неэстетично как-то получилось. Ну да ладно. Осталось еще три бандита здесь и один на козлах кареты, но она уже далеко, почти в конце подъема.

А тут остальные, все трое. Ну что ж, это уже терпимо.

Как же мне все-таки повезло, что я нарвался на обычную банду «романтиков с большой дороги». Будь они чуть серьезней – раскатали бы меня тонким слоем и ноги вытерли. Взять, например, вот этого бородача, что с коротким прямым тесаком. Ну видно же, что человек больше к вилам привык и, будь они у него в руках, мне со своей шпагой куда как плохо пришлось бы. Да чего там – совсем кисло. А так даже смешно смотреть на его потуги.

Мой учитель фехтования, тот, которого я считаю лучшим

из всех, с которыми мне посчастливилось встретиться, Эрих Горднер, делал ставку на скорость.

«Скорость и еще раз скорость», – была его любимая фраза. Отличный учитель и настоящий мастер. Жаль, что он смог уделить мне только три месяца. Всего три месяца. А потом наши пути разошлись – так сложились обстоятельства.

Направив коня по дуге, чтобы не слишком приближаться к бандитам, я переложил пистолет в правую руку, поменяв его со шпагой. Маловато еще опыта, чтобы стрелять с левой, да еще из допотопного оружия...

Мой выстрел попал в ногу того самого бородача, хотя, врать не стану, целился я в грудь. Бандит с воем упал на землю – больно, наверное.

Вот теперь мне необходимо спешиться: все-таки на земле я чувствую себя более уверенно, чем верхом. Я и на лошадь-то сел только три года назад, когда попал сюда. Было, конечно, раньше несколько конных прогулок, я даже знал, что на лошадь надо садиться с левой стороны. И на этом все.

Соскользнув с Ворона и хлопком ладони по крупу отправив его погулять, я застыл, ожидая, что же предпримут оставшиеся разбойники.

Бородача можно не принимать в расчет. Хоть пуля и попала ему в ногу, но слишком уж много крови, – вероятно, перебита бедренная артерия. А это все, абзац.

Оставшиеся двое тоже явно не бывали в солдатах.

Тот, что слева, с кавалерийской саблей, слегка изогнутой,

как и положено. Он что, рубиться со мной собрался? Вон как эфес обхватил – большой палец остальные прижимает. Но у меня же шпага, сударь, тебе же так неудобно будет, ты уж поверь мне на слово!

Сделав шаг навстречу, я выполнил длинный скользящий выпад. Укол! Шпага вошла неглубоко, буквально сантиметра три, не более. Но эти три сантиметра оказались в ямке между ключицами. Так, теперь резко уходим влево. Пока он еще не упал, послужит препятствием для оставшегося оппонента. Еще нужно шпагу немного повернуть, чтобы рана расширилась насколько возможно.

Горднер успел лишь поверхностно ознакомить меня с великим искусством фехтования, возведенным в Империи чуть ли не в ранг религии. Несколько основных позиций, ударов и уколов. Все это было и знакомо, и очень отличалось от того, чему меня когда-то учили.

Еще он указал мне путь, по которому нужно двигаться.

– Великие мастера, – говорил он, – пользуются базовыми приемами, но отточенными до совершенства. Изучив со временем огромное количество приемов и комбинаций, они возвращаются к тому, с чего начинали.

Нечто подобное, будучи еще на Земле, я слышал о боевых искусствах Востока. Любое базовое движение универсально, будь то защита или нападение. Все остальное – это вариации на тему. И я склонен ему верить.

Очень интересна методика работы над скоростью, кото-

рую он мне предложил. Полностью она изложена в такой фразе: «Хочешь научиться делать что-то быстро – научись делать это медленно. Очень медленно. Очень, очень медленно. Когда самый простой выпад со шпагой будет занимать у тебя несколько минут, ты сможешь сделать этот же выпад быстро. Очень быстро. Очень, очень быстро».

И третье: состояние. Необходимо войти в состояние холодного гнева. Не ярости, но именно гнева, когда по венам хлещет адреналин, все вокруг замедляется, ты чувствуешь способность порвать весь мир голыми руками, но голова остается ясной. Вызвать в себе это состояние достаточно просто – труднее удержаться в нем хоть какое-то время. Правда, это умение тренируется – ну как задержка дыхания, например...

Так. Теперь последний, может быть, даже самый серьезный противник.

Долговязый, со шрамом через всю левую щеку, вздымающим верхнюю губу так, что видны крупные желтые зубы. У него маленькие бегающие глаза мутного цвета, низкий лоб и выдвинутая далеко вперед нижняя челюсть. Отвратный тип, чего там говорить.

Спрашивается, чего же пистолеты никто из них не стал перезаряжать? Не так уж много времени это занимает. Насколько мой противник чувствовал бы себя комфортней, будь у него сейчас пистолет не за поясом, а в руке...

Рывком перемещаюсь вправо и задействую подсветку.

Солнышко теперь у меня за спиной – совсем маленькое, но преимущество. А ведь ты меня боишься – вон как глазки по сторонам забегали. Нет, убежать не получится, и помощи ждать неоткуда. Главный ваш там, где ему уже давно следовало быть, а остальным самим помощь нужна.

Последний напал, я в ответ поочередно уколол его в грудь и в колено. В колено попал. Славненько. Опять атакуем тем же манером, но добавляем еще третий удар – снова в грудь. Вот теперь попал как надо. Туше.

Все это хорошо и отлично – великие методики, мудрые учителя... Но достигнуть прогресса можно только практикой. А вот как раз ее у меня столько, что я с огромной радостью поделился бы с кем угодно, причем абсолютно бесплатно. Чуть ли не с первого дня пребывания в этом мире мне только и приходилось практиковаться. Вся эта практика заключалась в том, что я пытался выжить. К счастью, это у меня получилось.

«Да, – уже верхом на лошади подумал я, в последний раз оглядывая место нашей схватки. – Ты мужаешь, и это становится заметным. Мог ли ты представить себе всего три года назад, что способен на такое? Да что там три – даже пару лет, когда ты уже считал, что стал настоящим бойцом. А сейчас ты просто не можешь позволить себе этим гордиться. Подумаешь, разогнал кучку бывших крестьян, возомнивших себя воинами...»

Карету я догнал быстро.

Несомненно, взявший на себя обязанности кучера разбойник ждал подельников, поскольку ехал медленно и все время оглядывался. К нему я решил применить ту же тактику, что и к главарю, и это чуть не стоило мне жизни.

Когда я поравнялся с каретой, опять рассчитывая на длину своей шпаги, он направил на меня взведенный пистолет. Я отчетливо увидел черный зрачок ствола, наведенного мне точно в лоб, и с ужасом понял, что уже ничего не успеваю сделать.

Спас меня небольшой камень или выбоина: карету заметно трянуло, сбивая верный прицел. Почти у самого лица громынуло, обдав кислым запахом сгоревшего пороха и отбрасывая назад.

«Цел как будто, – пронеслось в голове. – Только щеку опалило».

Кучер зло ощерился, доставая второй пистолет. Ну уж нет, ведь второй раз он и попасть может!

Я с потягом ударил его по правой руке, промахнулся, но все равно вышло здорово: клинок шпаги попал по левому плечу, перерубив ключицу. Уже рефлексивно он нажал на спуск, угодив в одну из лошадей, запряженных в карету. Этим все и закончилось.

Бедная лошадка рухнула, резко затормозив бег остальных. Возница, не удержавшись, полетел вперед, на дышло упряжи, а уж затем на землю.

Карета остановилась, и я извлек из-под нее стрелка, потя-

нув его за ноги. Разбойник был без сознания, крепко приложившись по дороге к земле головой. Это хорошо, живой ты нам дороже, языком будешь.

Связав бандиту руки его собственным поясом, я открыл дверцу кареты. Первое, что увидел, было направленное мне в лицо дуло небольшого дорожного пистолета – такого, знаете, со складывающимся спусковым крючком. И потом – бледное лицо девушки, державшей пистолет дрожащими руками. Ну на поцелуй я и рассчитывал. Слава богу, что все обошлось и она смогла удержаться от выстрела.

Кстати, спасенная мною девушка оказалась весьма недурна собой, прямо по закону жанра.

– Леди, поверьте, все уже закончилось, – обратился я к ней. – Вам больше ничего не угрожает. Слово дворянина. Вы ведь из рода Вандереров?

Герб на карете принадлежал Вандерерам, роду древнему и достаточно влиятельному. Вообще, геральдике местная знать придавала огромное значение. Какой-нибудь захудалый дворянин из окраинной провинции мог быть полным невежей абсолютно во всем, но что касается геральдики... Любой из них мог часами рассуждать о своих и чужих родословных, гербах, степенях родства et cetera.

Мне в свое время удалось вдолбить себе в голову информацию о наиболее известных и значимых семействах. Десятка полтора, не более, хотя только в Империи их насчитывалось не менее двух сотен. Но как раз Вандереры входили в

список известных мне родов. Вспомнилось даже что-то об их притязаниях на трон.

Вместо ответа она присела на порог кареты и горько разрыдалась. Обычно женские слезы не вызывают во мне жалости, но сейчас был совсем не тот случай.

Я пристроился рядом и обнял ее за плечи. Она уткнулась лицом мне в грудь и продолжила свое мокрое дело. Через некоторое время до нее наконец что-то дошло – и она резко отстранилась.

– Кто вы, сударь? – спросила она, с опаской всматриваясь в мое лицо.

Заодно уж представлюсь и вам:

– Барон Артуа де Койн, миледи, к вашим услугам.

А что? Имя как имя, по-моему, вполне прилично звучит. Я его сам и придумал, когда получал это самое дворянство. Мое земное имя тут не каждый герольд выговорит, даже если по слогам. Дворянские же сословия вполне соответствуют земным, здесь вообще очень много общего.

Но об этом потом, сейчас нужно решать, что делать дальше.

– Элоиза Вандерер, дочь герцога Вандерера, – представилась девушка, забавно склонив голову набок. – Вы точно не принадлежите к числу этих негодяев?

Спросила так, будто я могу принадлежать к числу других негодяев.

– Успокойтесь, леди. Теперь все будет хорошо, уверяю

вас. Успокойтесь и постарайтесь объяснить, что здесь произошло.

«Умно-то как, – пронеслось в голове. – Ты же сам знаешь об этом больше нее, практически на глазах все произошло. Лучше давай поторапливайся, – возможно, у них сообщники есть».

Так и не пришедшего в себя разбойника я затащил в карету.

Пусть герцог сам разбирается – то ли это случайное нападение, спровоцированное слишком малым количеством людей в свите, то ли запланированное действие его возможных недоброжелателей. Хотя, если судить по подслушанным мною обрывкам разговора, это заказ... Все равно, пусть герцог сам разбирается.

Девушка наотрез отказалась садиться в карету. Так мы и поехали – я на облучке, вместо кучера, а Элоиза рядом со мной. Девушка еще вздрагивала, вспоминая пережитое. Шум схватки, гибель близких людей, кровь повсюду. Сзади, на подоле ее платья, осталось несколько пятен крови. Хорошо, что она еще не обратила на них внимания, – не обошлось бы без истерики.

Думаю, что выслушивать эротические фантазии того гнилозубого мачо тоже не доставило ей особого удовольствия.

Я вовремя одумался и не стал добиваться от нее подробностей происшедшего события. В этом случае девушке пришлось бы пережить все заново. Вместо этого я постарался

отвлечь ее, спрашивая о чем-то не относящемся к делу и рассказывая все, что приходило в голову. Сначала она поглядывала на меня недоуменно, но потом, догадавшись, бросила благодарный взгляд.

Так мы и ехали, пока не достигли имения графа Юлина Стойна, с семейством которого Элоиза оказалась близко знакома. Девушку я передал с рук на руки леди Сауасель, жене Стойна. Самого графа в имении не оказалось, он находился в столице.

Элоиза расплакалась сразу же, как только почувствовала на своих плечах руки графини. Все равно молодец, столько времени держалась и только сейчас расслабилась, почувствовав себя в безопасности.

Сам я отказался от гостеприимства хозяйки, сославшись на страшную спешку. Ворон, всю дорогу бежавший на привязи за каретой, гневно фыркал. Я отвязал его и, откланявшись, покинул поместье.

Глава 2

Диана

Вернувшись в Дрондер, я обнаружил среди корреспонденции приглашение в дом графини Эликондер. Это было не первое ее приглашение, и я не проигнорировал ни одного. Леди Мариэль симпатизировала мне, но явно не по той причине, что первым делом приходит в голову. Слегка за пятьдесят, вдова, графиня была мне очень благодарна за то, что однажды я принял самое активное участие в судьбе ее младшего сына...

Как-то раз, еще в самом начале столичной жизни, я возвращался домой довольно поздно и не в самом лучшем настроении. В тот день мне довелось в первый раз побывать на великосветском рауте. Все было великолепно, я познакомился с одной из прелестных дам, присутствующей на вечере. Мы очень мило общались, и разговор уже дошел до того, что нам необходимо сейчас же поехать посмотреть ее прекрасную коллекцию фарфоровых безделушек. Мы также сошлись во мнении, что середина ночи – самое удачное время для этого, и я уже размышлял, что сумею удивить красавицу количеством доселе ей неизвестных любовных позиций, когда она срочно покинула вечер. Не знаю, что за записку передал ей слуга, но лицо ее омрачилось, и она спешно уехала.

Моя новая знакомая при расставании вздохнула с таким искренним сожалением, что это послужило для меня легким утешением. Я тоже раскланялся с гостеприимными хозяевами и поехал домой. На подобные мероприятия не принято приходить пешком, поэтому наемный экипаж терпеливо меня дождался. Когда мы миновали площадь Трех Фонтанов и до моего дома оставалась меньшая часть пути, произошла наша встреча с молодым графом, сыном леди Мариэль.

Дуэли в Империи обычное дело, несмотря на крайне негативное отношение к ним императора Конрада III. Но дуэли обычно подразумевают равное количество участников, присутствие секундантов и лекарей, а также заранее оговоренное место. Сейчас же передо мной предстала картина, которую иначе как избиением не назовешь. Три дюжих мужика с дубинами окучивали двух юнцов, причем один из них уже лежал на брусчатой мостовой. Второй, прижатый к стене дома, пытался противостоять обломком шпаги палкам наседавших на него противников.

Кучер попытался было прибавить ходу, но я вырвал у него кнут и поспешил на помощь.

Словом, вдвоем мы управились. Кнут – вообще отличная вещь, когда действуешь им умело. Вот так и состоялось наше знакомство с сыном леди Мариэль.

Через несколько дней мне пришло приглашение от Эликондеров, и Андригус, молодой граф, представил меня своей матери. Не знаю, что он там наговорил, но она посчита-

ла меня чуть ли не спасителем своего непутевого сына. Андригус, кстати, так и не рассказал, что стало причиной его конфликта с мастерами оружейного цеха. Сам он тогда легко отделался, а вот спутник его пострадал, причем серьезно.

В доме Эликондеров я и познакомился с Дианой.

Леди Диана, урожденная герцогиня Лилойская, по мужу графиня Дютойл, принадлежала к типу тех красавиц, которых по праву называют роковыми.

Ее муж, граф Антуар Дютойл, был старше своей супруги на пару десятков лет, но, рано овдовев, она и не подумала вновь выходить замуж. Муж оставил ей огромное состояние, а она была молода, красива и пользовалась грандиозным успехом у противоположного пола. Что еще нужно?

Она не разбивала семей и не уводила женихов прямо от алтаря, хотя с легкостью могла все это делать – при желании. Но поклонников графиня меняла как те самые пресловутые перчатки. Говорят, у нее в ногах валялся сам принц Стенс, наследник престола королевства Монтарно, соседней с Империей державы. Но Диана отказала ему во взаимности, мотивируя тем, что ей не нравятся манеры принца.

Леди Мариэль сама представила меня Диане – это случилось во время второго визита в дом Эликондеров. Графиня оценила мои комплименты, посмеялась моим шуткам, и мы оба поняли, что рано или поздно окажемся в одной постели.

А потом на очередном рауте в доме леди Мариэль я вновь повстречался с Дианой. Меня поразили ее внешний

вид: она выглядела бледной копией самой себя, хоть и старалась держаться весело. Но тщательно заретушированные тени под глазами, тусклый взгляд обычных сияющих глаз и усталый голос выдавали, что с ней определенно случилась какая-то неприятность. Я поинтересовался причиной таких внезапных перемен, но Диана не хотела ничего объяснять. Мне пришлось проявить изрядную настойчивость, чтобы она приоткрыла часть своей тайны.

В руки одного из поклонников Дианы, долго ею отвергаемых, попало письмо, способное наделать очень много шума, в том числе даже при императорском дворе, если бы было обнародовано. И вот теперь человек, в чьи руки попало письмо, открыто шантажировал Диану, наконец-то получив доступ к тому, в чем ему много раз было отказано. Однако Диана не из тех птичек, что могут жить в клетке, пусть даже и золотой.

Но не это было самое страшное.

– Понимаете, Артуа, – произнесла она голосом, от которого у нормального мужчины все тело начинало вибрировать, – к сожалению, это касается не только меня. Если письмо станет достоянием гласности, могут пострадать очень многие люди...

Не знаю, что ее заставило довериться мне, человеку в общем-то малознакомому, – не иначе крайняя степень отчаяния, но я сумел ей помочь.

Буквально через день, в сгущающихся сумерках я про-

крался через сад к особняку человека, владеющего письмом, и взобрался на второй этаж. Он как раз готовился нанести визит Диане и прихорашивался, мурлыча что-то себе под нос. Дождавшись, пока слуга выйдет из комнаты, я натянул на голову вязаную шапочку с прорезями для глаз, засунул в рот два ореха и, благодаря открытому окну, легко очутился в комнате. Орехи во рту не лишняя предосторожность: общеимперский дался мне легко, но небольшой акцент все же еще присутствовал.

Очутившись в комнате, я буквальным образом выбил из него письмо, действуя в основном ногами. Затем покинул комнату – снова через окно. Переполох в доме начался тогда, когда я уже перелезл стену, огораживающую сад, расположенный с тыльной стороны особняка.

Да, я здорово рисковал, но Диана такая женщина, ради которой мужчины умудрялись совершать и не такие безумные поступки.

Потом мне пришлось скоротать время в одной из таверн. А ближе к утру, также через окно и тоже на втором этаже, я прокрался в спальню Дианы и залюбовался ее лицом, грустным даже во сне. Так и не решившись ее поцеловать, вложил в руку письмо и, оставив на подушке алую розу, ретировался. Почему-то в тот момент я беспокоился не о том, что меня увидят и примут за ночного вора, нет – Диана могла уколоться во сне шипами.

С тех пор прошло больше месяца, и мы с ней ни разу не

виделись.

Прибыв в дом графини, я первым делом отправился к хозяйке, чтобы выразить свое почтение, как и предполагается правилами хорошего тона.

Каждый раз при нашей встрече леди Мариэль шутливо спрашивала меня, не собрался ли я наконец жениться, и всегда предлагала свою помощь. Я обычно отшучивался, что ищу девушку, похожую на нее, но, увы, таких больше нет. Вот и на этот раз мы обменялись репликами в том же духе, и я был благосклонно отпущен.

Я любил бывать в этом доме не только из-за доброго отношения хозяйки. На вечерах графини всегда присутствовала легкая, дружелюбная атмосфера, и многим из гостей нравилось навещать леди Мариэль именно по этой же причине. Создать такую атмосферу очень сложно и получается далеко не во всех домах, как бы ни старались хозяева. Графине же это удавалось без малейших усилий.

– Артуа, – послышался сзади чудный знакомый голос. Обернувшись, я обнаружил прежнюю Диану – веселую, цветущую, в открытом вечернем платье с глубоким декольте и в неприменном окружении поклонников.

– Потрясающе выглядите, леди Диана... – Вот и все, на что меня хватило – настолько очаровательно она выглядела.

– Мне нужно с вами поговорить, барон. – Взгляд ее стал очень строгим, как будто я действительно серьезно провинился перед ней. Подхватив под руку, она отвела меня по-

дальше от ушей и глаз своих воздыхателей.

Когда мы остались наедине, Диана все так же строго произнесла:

– Рассказывайте, барон, почему вы меня избегаете.

– Ну что вы, леди Диана, разве хоть одному из видевших вас мужчин придет в голову подобное? Меня не было в столице около месяца, и всего лишь... – начал активно оправдываться я.

– Да? И как же ее зовут?

– Леди Удача, но на этот раз она от меня отвернулась. – Я старался не смотреть туда, куда хотелось смотреть больше всего на свете. Но разве от женщины можно скрыть свой интерес, тем более если она намеренно обращает на себя внимание?

– Я очень благодарна вам, Артуа... – начала Диана, но я перебил ее:

– Насколько благодарны? – Меня ощутимо потряхивало от ее близости, настолько она была хороша.

– Даже в большей степени, чем вы можете себе представить. – Диана смотрела на меня смеющимися глазами, но лицо ее при этом оставалось совершенно серьезным.

– Тогда почему мы еще здесь?

– Ну существуют же правила приличия...

– Именно поэтому вы еще в одежде, – честно признался я.

Диана рассмеялась своим волшебным, чарующим смехом, и мне пришлось отступить на пару шагов назад, от греха по-

дальше.

Час спустя мы покинули гостеприимный дом. Диана откланялась хозяйке, я же решил исчезнуть по-английски.

Дом мы покидали поодиночке. Как же, все могут знать, но никто не должен видеть – именно так говорили французы.

У самых дверей меня застиг довольно ехидный голос леди Мариэль:

– Господин де Койн, вы нас уже покидаете?

Да уж, спрячешь здесь хоть что-нибудь... Знать занимается этими играми чуть ли не с детства. Мне ли пытаться ввести в заблуждение хотя бы самых бестолковых из них? Я с сожалением развел руками: извините, мол, такая уж я бестолочь, опять забыл выдернуть утюг из розетки.

Леди Мариэль с улыбкой погрозила мне пальцем, но затем подмигнула с самым заговорщицким видом, всем своим видом показывая, что рада за меня и за мой выбор. Вот тебе и графиня в двухсотом поколении. Или сколько их там у нее?

Целоваться мы начали еще сидя в карете, везшей нас к дому Дианы. Оказавшись в ее спальне, я не стал сдерживать себя – слишком она меня волновала.

Когда у нас случилось то, чего мы оба желали, Диана тихо прошептала:

– Артуа, только не смей думать, что таким образом я решила выразить свою благодарность.

– Ну что вы, леди Диана. Я отлично понимаю, что вы безумно влюбились в меня буквально с первого взгляда и

специально придумали предлог, чтобы добиться своего. – Все это я произнес совершенно серьезным тоном. Да еще и с интонациями человека, которого подобные домогательства безумно достали и который всерьез задумывается над тем, чтобы укрыться от них в монастыре.

Забавно было видеть ошарашенное лицо Дианы, ее открывшийся от удивления прелестный ротик. Она приподнялась на локте и изумленно посмотрела на меня, лежащего на спине с самодовольной улыбкой.

Так и не решив, серьезно я это говорю или шутки у меня такие, Диана сказала:

– Ну и нахал ты, Артуа!

– Зато целуюсь хорошо, сама говорила, – парировал я.

– Ну если вдуматься, не только целуешься, но все равно ты нахал, каких свет еще не видывал...

Мы встречались с Дианой очень часто, чуть ли не каждый день, за исключением тех вечеров, когда она бывала в императорском дворце. Графиня практически забросила светскую жизнь – нам было очень хорошо вдвоем, и никого не хотелось видеть. Мы даже похудели в результате наших постоянных постельных баталий и сами смеялись над этим.

Я приобрел двухколесный экипаж, на котором мы часто катались в окрестностях столицы. Недалеко от Дрондера есть живописнейшее озеро со многими поросшими зеленою островками. Взяв лодку, я катал Диану по озеру, усадив ее на заднюю скамеечку – кормовую банку, если угодно.

Иногда, засмотревшись на нее, я чуть не доводил дело до кораблекрушения, и тогда она, смеясь, брызгала на меня водой, приводя в чувство.

Мы высаживались на одном из островков, я разбивал небольшой шатер, доставал из лодки корзинки с продуктами и вином – словом, получался настоящий пикник. Ей очень понравилось это новое для нее слово, и всякий раз, услышав его, она весело смеялась – уж не знаю почему.

Мы много разговаривали. Диана рассказывала мне о столичной знати, ее обычаях, привычках, традициях, родословных – словом, обо всех тех вещах, знания о которых мне были необходимы, поскольку я собирался жить в этой среде. Еще я брал с собой гитару и с удовольствием пел ей – она так трогательно слушала, уперев подбородок в кулачок. Больше всего Диане нравились романсы, а самый ее любимый мне приходилось исполнять по нескольку раз. Что-что, а петь у меня всегда получалось хорошо, и если бы тогда, в том мире, все сложилось удачно, то возможно... Да что теперь об этом говорить.

Местная музыка вовсе не примитивная, самое полное представление о ней можно получить, если вспомнить, какой она была в Европе лет триста назад. Видимо, человечество везде развивается по одним и тем же законам, но мне самому судить об этом сложно, не хватает знаний.

Наше безумие продолжалось больше месяца, а потом пришлось расстаться.

Однажды, на очередном свидании в доме графини, я заметил, что она чем-то очень опечалена. Диана, в этот раз сама нежность, рассказала мне причину своей печали.

Ее мама, герцогиня Лилойская, опять собралась умирать. Последние несколько лет она делала это не реже раза в год, иногда даже чаще. Герцогиня безвылазно жила в одном из своих поместий на морском побережье, и всякий раз, решив, что дни ее сочтены, рассылала детям письма о своей близкой кончине.

– Это уже стало семейной традицией, – рассказывала Диана. – Раз в год мы собираемся всей семьей, гостим у нее, и маме сразу становится лучше. Моим братьям легче – оба они на службе и не имеют возможности задерживаться надолго. Мне же приходится отдуваться за всех. Иногда я задерживаюсь там надолго, бывает, что и на пару месяцев, представляешь? Мама ни за что не желает переезжать в столицу – климат ей не подходит.

– Что, у герцогини действительно проблемы со здоровьем? – посочувствовал я.

– Если бы, Артуа, если бы. Здоровье у нее отличное, а вот все остальное...

Да, письмом все у нас началось, письмом и заканчивается. Два месяца – срок приличный, и многое может произойти.

– Я тоже буду очень скучать по тебе, – заметила выражение моего лица Диана. – Ты знаешь, Артуа, конечно же у меня никогда не было столько мужчин, скольких мне приписы-

вают, но из всех тех, которые действительно у меня были, ты лучший, и ни с кем другим мне не было так хорошо. И еще, ни с кем другим я не встречалась так долго. Обычно они надоедали мне после двух-трех свиданий. Я, наверное, мерзкая?

– Нет, девочка, ты тоже самая лучшая из всех моих женщин, самая сладкая, самая пылкая и самая нежная. Самая-самая, – прошептал я Диане на ушко, нисколько не кривя душой, и поцеловал ее в сладкие губы.

– Подожди минутку, Артуа, – сказала Диана.

Легко соскользнув с постели, она подошла к бюро и принялась в нем что-то искать. Света от одинокой свечи хватало, чтобы в полной мере насладиться красотой ее великолепной фигуры, отчетливо видимой на фоне незашторенного окна.

– Диана, если бы у меня имелся талант живописца, я бы заработал кучу золота, рисуя твои портреты в жанре ню.

Девушка улыбнулась, на миг оторвалась от своих поисков, приняла несколько завлекательных поз – и снова углубилась в недра бюро. Я лежал и любовался, моля только о том, чтобы то, что она ищет, оказалось где-нибудь высоко, например на верхней полке. Очень красивое зрелище, когда женщина тянется ввысь, а если при этом она обнажена и имеет потрясающее тело...

Но у бюро нет высоких полок, зато имеется множество отделений, что тоже очень приятно.

Наконец Диана нашла то, что искала, и вернулась в по-

стель с приличным конвертом в руке.

– Вот, Артуа, я хочу сделать тебе подарок... – начала она. – Артуа, я просила тебя слушать, а не смотреть.

Ну да, легко сказать! Свеча горит совсем близко – сама же переставила ее поближе...

– Я хочу тебе сделать подарок, – повторила она.

– Диана...

– Да знаю я, знаю. Ты сам мне говорил, и не раз, что там, откуда ты родом, принято задаривать подарками своих женщин, а не наоборот. Здесь же совсем другое дело, ты сначала выслушай.

Диана немного собралась с мыслями и начала:

– Мой муж был кем угодно, но только не глупым человеком. Так вот, однажды я подслушала очень интересный разговор...

Покойный муж Дианы, граф Дютойл, был очень деятельным человеком, и его интересы лежали в самых различных областях. Среди имперской аристократии совсем не считалось зазорным заниматься торговлей, промышленностью, наукой, не говоря уже о политике. Во всем, за что он брался, граф был успешен и оставил своей жене огромное состояние.

Но подслушанный Дианой разговор был совсем о другом. Один из работающих на него людей привез ему сведения о золоте. Не о сокровищах, закопанных под дубом на приметной горе или в тайной пещере, а об одном из урочищ в Энейских горах, где, по словам этого человека, золота было очень

много.

– Так вот, – продолжала Диана, потрясая конвертом, – в этом пакете подробные карты с указаниями, как туда попасть. Это место на самой границе Империи, я узнавала. Там живут дикие племена кочевников. Артуа, ты возьмешь конверт и уже сам решишь, что делать дальше. Этот человек рассказывал, что золота там много, очень много. Он привез два самородка, можешь сам на них посмотреть.

– А где сейчас этот человек, который привез карты и самородки?

– Его нашли мертвым в квартале, где очень много заведений с девочками – ну ты понимаешь. Муж очень расстраивался из-за этого, но и сам его ненадолго пережил.

...Да, если золото там действительно есть, то это многое меняло в моих планах. Можно разом решить главную проблему, которую я назвал экономической составляющей. Есть над чем подумать.

– Ты возьмешь пакет, Артуа? – с надеждой спросила Диана.

– Конечно, возьму, милая моя девочка. Я привезу много золота, и мы с тобой его поделим.

– А вот этого не будет. Нет, Артуа, и еще раз нет. Мне своего хватает, я девушка небедная. Вот чего мне не хватает – так это твоего поцелуя прямо сейчас. Ну, может, еще чего-нибудь...

Мы расстались с Дианой через день, почему-то оба пони-

мая, что вряд ли у нас повторится то, что было. Я смотрел, как она садится в карету, и больше всего мне хотелось остановить ее, прижать к себе и никуда не отпускать. И она ждала именно этого, только понял я это слишком поздно.

Глава 3

Коллайн

Прошло около месяца после расставания с Дианой. Я сидел в своем кабинете, в очередной раз перебирая бумаги из подаренного пакета. Все карты и схемы с сопроводительными записками уже давно отложились в моей памяти. Путь к Энейским горам, где в одном из урочищ обнаружено золото, займет примерно месяц. Все необходимое снаряжение и оборудование заказано, будет готово через неделю. Осталось решить главный вопрос: где взять людей? Надежных людей...

Это являлось серьезной проблемой, и решать ее надо было быстро. Времени потеряно достаточно. Организовывать предприятие с кем-либо на паях я не хотел ни при каких условиях. И не от жадности, это был просто холодный расчет. Мало найти золото, нужно еще вернуться живым. А кому можно доверять в таких случаях? Да никому.

Нет, конечно, людей порядочных полно, но где они? Я с ними не знаком. Вернее, с некоторыми знаком, но вряд ли смогу уговорить их на столь явную авантюру.

Кроме того, в горах беспокойно, местные племена традиционно занимаются разбоем. И это еще одна проблема. Словом, мне нужны люди, к которым можно повернуться спиной и которые способны постоять за себя, если на нас напа-

дут разбойники.

За окном опускалась ночь. Пора выходить из дома: у меня сегодня свидание. Пару недель назад на одном из светских раутов я познакомился с баронессой, хрупкой миниатюрной брюнеткой с огромными карими глазами и пухлыми губками. Звали ее Лионой, и она была вполне в моем вкусе. То, что должно было случиться, случилось на втором свидании. Лиона оказалась страстной натурой, и мы быстро поладили.

Единственным недостатком Лионы являлся ее муж, служивший по фискальной части. Частые служебные поездки заставляли бедную девушку плакать в одиночестве, и я по возможности пытался скрасить ее досуг. Баронесса жила недалеко, всего в получасе ходьбы. Что же касается всего остального, то я вскоре стану лучшим в Империи специалистом по лазанью в чужие окна. А немного адреналина от постоянного ожидания возможного внезапного возвращения мужа добавляло встречам особую прелесть.

Прицепив шпагу и прикрепив к предплечью левой руки скрытые под рукавом ножны с небольшим стилетом, я вышел из дома. Стиллет стал новым оружием в моем небогатом арсенале. Изготовленный кузнецом по специальному заказу, клинок мог использоваться и как метательное средство. Метал я его пока из рук вон плохо, но иногда и этого было достаточно.

Не так давно я оборудовал в своем доме небольшой тренировочный зал. Стараясь использовать свободное место как

можно экономнее, мне удалось вместить в него множество приспособлений и тренажеров, расположенных по периметру комнаты. В правом от входа углу висел кожаный мешок, набитый песком. Всегда предпочитал этот весьма простой в изготовлении и очень эффективный снаряд. В левом – стойка со штангой, изготовленная местным кузнецом. Кузнец уже давно не удивлялся странностям моих заказов. Как говорится, было бы оплачено. Занятия с отягощениями всегда доставляли мне удовольствие, и я не собирался от них отказываться. Всю центральную часть комнаты я отдал фехтованию.

Два-три раза в неделю ко мне приходил невзрачный человек, отменно владеющий многими видами холодного оружия. Скрытный, со странными привычками, но тем не менее настоящий мастер. Брать с меня плату он отказался, объясняя это тем, что сам получает удовольствие. Мы спарринговали до изнеможения. Мне было чему у него поучиться, но и сам не раз удивлял мастера. Нашел я его через одного из друзей, гвардейского офицера.

А вот с огнестрельным оружием мне никак не удавалось подружиться так, как хотелось бы. Все-таки я привык к другому оружию. Кремневые пистолеты казались мне игрушечными самопалами, какие мы мастерили в детстве. Да и как можно серьезно относиться к тому, что в любой момент может подвести тебя осечкой.

Я часто выезжал за город, в расположение кирасирско-

го полка, где находилось тренировочное поле для кавалеристов. Рубка на скаку – достаточно трудное занятие, требующее определенных навыков. Я стал там частым гостем, быстро приобретя популярность благодаря игре на гитаре.

Люди, многие служаки не в первом поколении, в большинстве своем прямые и открытые, никогда не отказывали мне в советах и наставлениях. Я же с удовольствием присутствовал на многочисленных вечеринках, исполняя немного переделанные песни. Репертуар определился быстро, и с некоторых пор я стал желанным гостем в полку. А несколько выигранных учебных поединков добавили ко мне уважение как к бойцу. Мне даже предлагали ступить на военную стезю, но мои жизненные планы лежали в несколько иной плоскости. Словом, я вел активный образ жизни, не давая себе времени на досужие размышления. Все это немного помогало заглушить тоску по Диане...

Я шел в сгущающихся сумерках, предвкушая близость встречи с баронессой. Очень милая особа и страстная любовница – я уже начинаю немного ревновать ее к мужу. Глупо, конечно, но что тут поделаешь. Голова моя рождала всяческие эротические фантазии, напрямую связанные с ней. Оставалось совсем немного, всего лишь перейти мост через Лонгу, приток Арны, самой крупной реки Империи, повернуть направо и пересечь сквер с небольшим фонтанчиком. А там все привычно – перелезть через стенку, прокрасться вдоль фасада здания, взобраться по декоративной решетке,

увитой плющом, на второй этаж и проскользнуть в специально оставленное открытым окно. Чтобы шпага не путалась в ногах во время карабканья, пришлось придумать нехитрую сбрую. С ее помощью шпага крепилась на спине, что значительно удобнее. Ниндзя, блин!

Внезапно вспомнилась Диана, и настроение резко испортилось. Решив, что малышка-баронесса немного подождет, я перешел мост и свернул налево. Метров через триста по набережной располагался кабачок «У Ондоро» – небольшой, уютный, с неплохой кухней и отличным вином. Брат Ондоро, владельца таверны, имел собственные виноградники и обеспечивал его очень приличными винами. Публика здесь собиралась разношерстная, но вполне пристойная. Можно встретить и дворянина, и расторговавшегося сельского жителя, и владельца мастерской, и даже преподавателя Имперского университета, расположенного неподалеку. Толерантность в Империи на высоте, слов нет.

Поприветствовав хозяина заведения, я уселся за столиком у окна. Подлетевшая служанка смахнула несуществующую пыль со стола и замерла в ожидании. Заказав бутылку красного вина, сыра и зелени, внимательно осмотрел зал. Первым, кто попался на глаза, оказался высоченный плечистый парень с простоватым, если не сказать больше, лицом. Эдакий увалень. Вот его лицо как раз и привлекло мое внимание. Выражение растерянности и обиды настолько легко читалось на нем, что парень походил на большого ребенка, у

которого обманом забрали любимую игрушку.

Все здесь понятно без слов – провинциального простака отработали по полной программе. Но вот лицо его мне понравилось: простое такое, открытое. Парень все не мог успокоиться, в который раз осматривая карманы, заглядывая под стол и озираясь по сторонам. Но всему есть предел, и до него наконец дошло.

Недоумение сменилось выражением ярости. Какое-то время он оглядывал посетителей, высматривая обидчиков. Наконец, осознав, что случившегося не вернешь, направился к выходу.

– Эй, парень, – окликнул я его, когда тот проходил мимо. – Не сочти за труд, присядь на минутку.

Он приостановился и вперил в меня взгляд, надеясь, вероятно, выместить на мне злость. Затем, разглядев рукоять шпаги, торчащую из-под стола, сник.

– Присядь, присядь. Возможно, я смогу тебе помочь. Да и что ты теряешь, в конце концов?

Нерешительно потоптавшись, он все же уселся напротив. Жестом показав служанке повторить заказ, я повернулся к предполагаемому собеседнику:

– Ну рассказывай.

– Что рассказывать-то, ваша светлость?

– Я не «ваша светлость». «Ваша светлость» – это обращение к графу, а я всего лишь барон. Рассказывай с самого начала: кто такой, откуда взялся и что у тебя случилось.

Я налил ему вина, пододвинул тарелки и приготовился слушать.

Звали парня Проухв Сейн, и родом он был из захолустного даже по местным меркам приморского городка. Единственный сын мелкого ремесленника, остальные все дочери. Здоровьем и статью Господь его не обидел, а вот учеба давалась нелегко. Только и научился, что считать до ста да расписываться. Зато силы у парня было немерено. Тесно стало ему в родном городке, и решил Проухв податься в столицу. Где, как не там, можно реализоваться? Жаждал он славы, золота и приключений – в любом порядке и в любых количествах. Подобно Ломоносову, Проухв добрался до Дрондера с рыбным обозом, только рыбу везли не мороженую, а соленую и вяленую. Пожив в столице некоторое время, он с удивлением обнаружил, что роковые красотки не вешаются ему на шею, что золота много, но все чужое, а приключения обходят его стороной. Загоревал парень и совсем уж было домой засобирался, но познакомился с хорошими людьми, которые много чего ему наобещали. Вот и пришли в кабак отметить это событие. Дальше мне и самому все было известно.

– Что делать собираешься? – поинтересовался я.

– Не знаю еще, ваша светлость. Можно в солдаты податься, да уж больно там порядки строгие. Домой возвращаться стыдно – засмеют меня. Делать я ничего не умею, отцу помогал, конечно, да что с того? Баржи грузить в речном порту – вот и все, что остается.

– Я не «ваша светлость», запомни. Есть у меня к тебе предложение, Прохор, – переименовал я его имя на свой манер. – Иди ко мне в услужение. Приключений тебе обещаю много, а там, глядишь, и подвиги подвернутся. Вот и сейчас предстоит мне одно дело, очень опасное, но и заработать можно хорошо, причем честно. Я сам здесь один как перст, мне нужны надежные люди. Об оплате договоримся, не обижу. Но смотри, сразу предупреждаю: слушаться беспрекословно! Скажу упасть – падай хоть в лужу, скажу стоять на одной ноге – стой хоть до вечера... Подумай хорошо. Надумаешь – жди меня здесь же вечером, перед закатом. С вещами. Все, думай!

Оставив ошеломленного предложением Проухва, я поспешил к баронессе Лионе.

Проходя мимо моста, услышал звон клинков и приглушенные ругательства.

«Оно мне надо?» – подумал я и ускорил шаг. Однако через несколько шагов пришла другая мысль: «А может, действительно надо?» – и поспешил на звуки продолжающегося боя.

Примерно на середине моста моим глазам открылась следующая картина: три человека с яростью нападали на четвертого, прижатого к перилам. Еще один стоял на коленях, зажимая рукой рану на груди. В таких случаях трудно принимать чью-то сторону, не зная всех обстоятельств. Соотношение сил еще ни о чем не говорит. Обороняющийся человек в равной степени может оказаться и подлецом, и героем.

Это мне и предстояло выяснить, и немедленно.

– Добрый вечер, господа, – поприветствовал я собравшихся дуэлянтов. – Не сочтите за труд объяснить мне правила, по которым происходит ваша дуэль. Вам не кажется, что соотношение сил в корне противоречит дуэльному кодексу? Если вы подзабыли этот святой документ, сочту за честь вам его напомнить.

Мне важна была реакция на мое появление. Ручаюсь, если нападающие – приличные люди и преследуют благородные цели, то попытаются объяснить мне столь неспортивное поведение.

Но этого не произошло. Один из нападавших, по всей вероятности старший, бросил какую-то неразборчивую команду, и от группы отделился человек. Его очевидные намерения не вызывали ни малейших сомнений.

У японских самураев есть такая техника – не помню, как она называется, – когда удар наносится сразу после того, как катана покинула ножны. Фактически это одно движение. Так вот, готов поспорить с кем угодно, что со шпагой такое тоже возможно. Пока мой противник приближался ко мне, я спокойно стоял, придерживая ножны шпаги левой рукой. Но как только он пересек незримую границу, сделал выпад. Давно хотел попробовать эту технику, но все не было подходящего случая.

Перешагнув через еще агонизирующее тело, я подошел ближе. Существовала вероятность того, что нападающие и

защищающийся объединятся против меня – такое бывает.

Еще одна команда – и следующий противник предстал передо мной. Наши клинки со звоном скрестились, разошлись, снова скрестились. Весьма посредственная техника – даже мне это понятно. На следующем выпаде он чуть-чуть провалился, и это стоило ему жизни. Прямо из четвертой позиции я нанес колющий удар, благополучно достигший цели. Все, противники остались один на один. Тщательно протерев шпагу, я спрятал ее в ножны.

И эта схватка оказалась недолгой. Сломленный потерей товарищей, последний из нападающих пропускал удары один за другим и после третьего рухнул на землю.

Человек, только что отправивший к праотцам своего соперника, пару мгновений переводил дыхание, присматриваясь ко мне. Я тоже стоял, дожидаясь, чем все это закончится. Горящие на мосту фонари не давали много света, но и того, что было, хватало, чтобы рассмотреть человека примерно моего возраста, чуть выше среднего роста, обладателя щегольских усов с закрученными кверху кончиками. Наконец он отыскал ножны, вложил в них шпагу, поднял валявшуюся неподалеку шляпу и изобразил ей приветствие.

– Позвольте представиться. Меня зовут барон Анри Коллайн, и мне хотелось бы знать, кому я обязан жизнью, – произнес единственный, кроме меня, оставшийся на этом мосту в живых.

– Артуа де Койн, барон. Если это представляется возмож-

ным, объясните, что здесь произошло.

– Подождите буквально пару минут, сударь, пока я избавлюсь от трупов. Эти люди не заслуживают погребения, уж поверьте мне на слово.

Несколько минут я наблюдал, как Коллайн сбрасывает тела в воду с моста. А вот их клинки он собрал, завернув в свой плащ. Странное дело, до сих пор не объявилась стража, обычно вездесущая, но, может быть, это и к лучшему.

– Вот теперь можно и поговорить. Хотя я предпочел бы делать это за стаканом доброго вина. Кстати, вам принадлежат две шпаги из четырех. Не бог весть что, но пару золотых за все вполне можно выручить.

– Отложим это дело на потом, – сказал я. – Пока же предлагаю пройти в таверну. Здесь недалеко.

– В любом случае вино за мой счет. И еще: можете рассчитывать на мою шпагу. Я уже успел попрощаться с жизнью. Четверо противников – это много даже для меня.

Мы почти сошли с моста, когда мой новый знакомый приблизился к перилам и решительно отправил сверток с клинками врагов в воду.

– Что подвигло вас на такой поступок? – не преминул поинтересоваться я.

– А-а-а, не хочется быть мелочным, – беспечно махнул рукой тот. – В свою очередь позвольте спросить о причине вашего интереса. Вы пожалели о той части денег, которую уже считали своей?

– Вовсе нет. Я лишь беспокоюсь о рыбках, водящихся в этой реке. Вполне возможно, что вы нечаянно проткнули одну из них острием клинка из вашего свертка.

Барон заразительно расхохотался, хлопнув меня по плечу.

Мы вернулись в таверну «У Ондоро». Самого Ондоро уже не было, за стойкой стоял его сын – не помню, как его имя. С Анри мы проговорили часа три, если не больше. Его история оказалась чем-то похожей на мою с той лишь разницей, что он урожденный барон.

Его угораздило попасть не в то время не в то место. Став невольным свидетелем одного весьма неприглядного события, он подписал себе приговор. И если бы не мое удачное вмешательство, этот приговор уже был бы приведен в исполнение. Он не стал распространяться на эту тему, а я не стал настаивать.

С возрастом я угадал. Коллайн оказался старше меня на пару лет, имения нет, в столицу прибыл, как и я, в поисках лучшей судьбы.

Чем дольше мы с ним разговаривали, тем больше он мне нравился. Общались мы на различные темы, перескакивая с одной на другую, словно пытаюсь составить друг о друге наиболее объективное мнение.

Усы делали барона несколько легкомысленным на вид, но цепкий взгляд выдавал в нем умного и проницательного человека, достаточно битого жизнью, чтобы не ждать от нее слишком много хорошего. И еще мне понравилось, что по-

сле недавних событий он мог спокойно сидеть и рассуждать о появившейся среди столичных дам моде на шляпки с вуалью.

Нет, дело не в том, что совсем недавно он лишил жизни пару человек, а теперь сидит, не испытывая ни малейшего угрызения совести. Это и меня уже нисколько не напрягает, прошли те времена. Но мост буквально в двух шагах отсюда, и вполне вероятно, что в таверну в любой момент могут нагрянуть стражники или сообщники наших недавних врагов. А он само спокойствие!

Бывает так, что видишь человека первый раз, совсем не знаешь его – и все же чувствуешь к нему симпатию. Барон – это как раз тот случай. Поговорив еще некоторое время, я все же решился и сделал ему предложение. Мой новый знакомый как будто бы ждал его и нисколько не удивился, когда оно прозвучало.

На предложение составить мне компанию в экспедиции на запад Коллайн, не задумываясь, ответил утвердительно. Я не стал объяснять ему всех подробностей, а он и не настаивал. Договорились и об оплате, и о том, что пока барон поживет в моем доме, поскольку родственников в столице у него не имелось.

Сославшись на неотложные дела, я раскланялся и поспешил к Лионе.

«А ведь чуть не прошел мимо, – подумалось мне. – Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь».

Моя милая девочка конечно же не дождалась меня. Она сладко спала, подложив под голову ладошку. Ошеломленная моим напором, сонно хлопая глазами, она тем не менее приняла активное участие в процессе. Адреналин, выброшенный в кровь этой ночью, требовал выхода. А что может быть в этом случае лучше женской ласки?..

«Какой хороший у меня вкус, – думал я расслабленно. – Удивительно приятная во всех отношениях женщина».

– Завтра приезжает мой муж, – сказала она.

Муж – это всегда плохо. Чуть ли не первый раз в жизни я нарушил свой принцип, касающийся замужних женщин. Но слишком уж Лиона была славная женщина, да и узнал я о ее замужестве только после того, как у нас все случилось.

Глава 4

Стенборо

Следующим вечером я подходил к таверне «У Ондора». Проухва увидел еще издали – такого верзилу, топчущегося у входа, трудно не заметить.

– Ваша светлость, – прокричал он, кидаясь мне навстречу, – я уж испугался, что вы передумали.

Мать твою. Услышит это кто-нибудь из знакомых и ехидненько так спросит: «Когда это вы, барон, успели графом стать?»

– Проухв, в последний раз говорю тебе: я не «ваша светлость». В последний. А теперь ответь мне, ты хорошо подумал? Мои условия тебя устраивают?

– Да, да! – Парень радостно закивал головой. – Только это... – Он замялся. – Ваша милость, научите меня драться так же, как вы?

– А с чего ты, братец, взял, что я умею драться? Может, я шпагу для украшения ношу?

– Ну это... – Он еще больше замялся. – Я вчера на мосту видел... – И, помолчав, добавил: – Все. – Затем, спохватившись, заверил: – Только вы не подумайте, ваша милость, я по гроб жизни никому...

То-то мне вчера тень какая-то показалась – думал, приме-

решилась.

– Можешь не беспокоиться, Прохор. Эти негодяи того за-служивали.

С тех пор я его так и называл – Прохор. А когда был злой или веселый, так вообще, Прошка.

В животе у парня громко заурчало.

– Голодный, что ли?

– Так со вчерашнего вечера. Денег-то нет.

– Ничего, Проухв. Придем домой – поешь вволю.

Дома нас ждал Анри Коллайн. Комната ему была уже при-готовлена Мартой. Проухв тоже получил комнатку недалеко от кухни. Оба они остались довольны.

Отужинав, мы с Анри прошли ко мне в кабинет, захватив бутылочку сливового вина и пару бокалов. Проведя весь ве-чер в беседе и опорожнив бутылку, мы разошлись спать, до-вольные друг другом.

На следующий день утром принесли письмо с приглаше-нием от герцога Илана Вандерера, отца спасенной мною Эло-изы. Встреча была назначена на завтра, на восемь вечера. Хо-рошо, так тому и быть, никаких дел на завтрашний день у меня не намечалось.

Чуть позже прибыл маэстро, мой неизменный спар-ринг-партнер. Когда мы закончили, я обратился к нему:

– Маэстро, у меня появился новый человек – такой, знае-те, увалень. Но силы парень необычайной. Маленькая прось-ба к вам: посмотрите его и определите, что ему лучше по-

дойдет. Не хочется терять зря время, а вы с вашим опытом и интуицией здорово можете мне помочь.

В том, что Прошка от природы обладает недюжинной физической силой, я убедился, приведя его в свой импровизированный спортзал. Парень, не имея ни малейшего представления о технике, поднимал и выжимал такие веса, что я только кричал. А вот с холодным оружием у него получалось хуже.

Маэстро любезно согласился. В зал привели Прошку и оставили их наедине. Примерно через час из дверей вышли донельзя довольный наставник и красный, взъерошенный Прохор. Оставшись с нами на обед, маэстро рассказал подробности. Он перепробовал все виды оружия, предлагая парню воспользоваться всем по очереди – в зале мною была собрана достаточно обширная коллекция. Частью я нашел ее в доме, частью купил по дешевке – к оружию для тренинга особых требований не предъявляется.

В конце концов, решив, что над ним издеваются, Проухв пошел в решительную атаку. Это здорово развеселило маэстро. Уходя от атак Прошки, он раз за разом ставил парня в дурацкое положение, изредка отвешивая ему не очень большие, но очень обидные удары. Когда Прохор выходил из зала, у него даже губы дрожали. Ничего страшного, будет парню хороший урок. «Победа техники над грубой силой» – в дзюдо, по-моему, такой девиз.

Еще маэстро посоветовал в качестве основного оружия

натаскивать парня на тяжелый кавалерийский палаш – оружие, требующее немалой физической силы.

Но лучше всего у Прохора получалось с балотом – оружием, похожим на гибрид древнерусской совни и японской нагинаты. На балот маэстро и предложил обратить особое внимание.

Коллайн вызвался проводить учителя. У меня сложилось впечатление, что они давно знакомы, но не подают вида. Вернулся он довольно поздно, когда я, по обычаю, сидел в своем кабинете и приводил в порядок финансовые документы. Ситуация с финансами сложилась не очень, но на ближайшие полгода вполне терпимая.

Коллайн вошел в кабинет, наполнил свободный бокал вином, присел в кресло и заговорил:

– Вам очень повезло, Артуа, с этим человеком. Не сомневаюсь, что вы успели заметить факт нашего знакомства. Его имя ни о чем вам не скажет, но поверьте на слово, так будет даже лучше. У него есть веские причины скрывать свое имя. Кстати, он весьма высоко оценил вашу технику...

Следующим вечером я отправился к Вандерерам. С Элоизой мы встретились как старые знакомые. Она же представила меня всем членам семьи. Элоиза так расписывала мои подвиги, что мне даже стало немного неудобно. Очень симпатичная девушка – высокая, статная, но совершенно не в моем вкусе. Мне больше по душе хрупкие, быть может, даже немного анемичные женщины. Их так хочется холить, леле-

ять и защищать.

Отужинав в кругу семьи, мы поднялись в кабинет герцога. Усевшись в кресла, поговорили о том о сем, обсудили погоду и цены на лошадей. В общем, разговор ни о чем. Я отлично понимал, что герцог старается оценить меня с какой-то своей точки зрения, но не стал подыгрывать ему. Вполне возможно, что и здесь будет какое-нибудь предложение. А оно мне надо? От некоторых предложений невозможно отказаться при всем желании. Так что иногда лучше вообще их не выслушивать.

Наконец перешли к главному.

– Барон, давайте поговорим, не чинясь. Я, безусловно, бесконечно благодарен вам за спасение Элоизы, моей любимицы. Она очень дорога мне, и я просто не представляю, как смог бы пережить известие о ее гибели. – Голос герцога заметно дрогнул. – Я наслышан об истории, в результате которой вы получили титул барона. Считаю, что вполне заслуженно. Я навел о вас некоторые справки в обществе. Знают о вас немного: врагов практически нет, друзьями обзаводиться не спешите. От дуэлей не уклоняетесь, сами их не провоцируете. Мы с вами немного поговорили, но вы не захотели открываться. Что ж, я помогу вам. Скажу всего лишь одно слово, об остальном нетрудно будет догадаться. Речь идет о красном цветке... – Он пристально посмотрел на меня.

Куда уж яснее – он говорит о розе. Письмо, возвращенное мной Диане, касалось и герцога. Непонятно только, что

я должен открыть. Никаких тайн у меня нет, разве что сам факт моего появления в Империи.

Я кивнул: мол, все ясно. Герцог продолжил:

– Может быть, посвятите меня в свои планы – чем намерены заняться в дальнейшем?

Что ж, откровенность за откровенность.

Я вынул из кармана небольшой футляр и протянул герцогу. Он открыл его и, достав предмет, находившийся в нем, повертел в руках.

– Что это? – спросил он.

– Ручка, обыкновенная ручка для письма вместо гусяного пера. Вы попробуйте, милорд, что-нибудь написать.

Герцог окунул перо в чернильницу и вывел несколько слов на листке бумаги.

– Да, действительно очень удобно.

– А кроме того, она значительно более долговечна и не требует никакого ухода. Вы представьте в масштабах Империи: канцелярии, частные лица... Пока существует в единственном экземпляре. При массовом производстве себестоимость близка к нулю. Мне всего лишь необходимо изготовить достаточное количество экземпляров, чтобы сразу охватить весь рынок.

Затем я решил сразу взять быка за рога:

– Милорд, с вашей помощью я мог бы получить государственные заказы. Естественно, в этом случае вы имеете определенный процент с реализации. Но это все мелочи, ми-

лорд. У меня есть несколько действительно крупных проектов. Без преувеличения это будет серьезным скачком в развитии как военной, так и гражданской промышленности. Например, что вы думаете о пистолетах, которые могут произвести пять-шесть выстрелов подряд без перезарядки?

– Это вы о многоствольных, что ли, барон? Их пытаются...

– Про одноствольные, милорд, про одноствольные.

Герцог на время задумался.

– С этими, как вы их называете, ручками проблем не будет. С остальным покажет время. Все это, я думаю, потребует крупных капиталовложений?

Нетушки, господа, все это мое. Никаких товариществ на паях.

– Сейчас я как раз работаю над этим вопросом, ваше сиятельство. Но первым, к кому я обращусь за помощью, будете именно вы.

Мы отлично поняли друг друга.

– Барон, – продолжил разговор герцог, – сейчас мы поговорим о следующем. – Он положил руку на бумаги, лежащие у него на столе. – Эти документы – дарственная на поместье Стенборо. Две деревни на сто пятьдесят и восемьдесят дворов и усадьба. Ежегодный доход около четырехсот золотых. Стенборо находится в дне пути от столицы по дороге на Трондент. Барон, вы отлично понимаете – одно дело обладать просто титулом и совсем другое – иметь поместье,

достаточно немалое. Этот факт прежде всего несколько поднимет ваш вес в обществе. Помимо того, на доходы вполне безбедно можно будет существовать. И кроме всего прочего, там удивительно живописные места. От вас требуется только согласие. Скажу вам больше. Достаточно многие люди были опечалены, узнав о моем решении. Стенборо принадлежит мне, но... Впрочем, барон, вы человек неглупый, и все остальное можно не объяснять. Итак?

Его предложение ошеломило меня. Я, конечно, полагал, что Вандерер предложит вознаграждение за спасение горячо любимой дочери, но чтобы такое... От денег я собирался по известным причинам решительно отказаться. Герцог, видя мои колебания, продолжил:

– Сначала я хотел предложить вам деньги, но, немного поразмыслив, пришел к выводу, что вы откажетесь. Я решительно прошу принять мое предложение. Поверьте, здесь нет никакой подоплеки.

Получить земельные владения недалеко от столицы очень, очень трудно. Допустим, Стенборо стоит энную сумму. Даже обладая такой или еще большей суммой, я не смогу купить имение, и дело не в количестве денег. Заинтересовавшись этим вопросом, я обнаружил многие препоны, связанные как с законодательством, так и с другими, не менее важными факторами.

Последние слова герцога более чем понятны. По сути, поместье – общая благодарность от лиц, которые могли постра-

дать, получи содержание письма широкую огласку. То, что поместье принадлежит Вандереру и я получаю его в подарок именно от него, тоже вполне объяснимо. Элоиза – его дочь, и все события, связанные с ее похищением, известны многим. Личное дело герцога, как вознаградить спасителя своей дочери. Вознаграждение более чем щедрое, но письмо получается совершенно ни при чем. Предложение герцога – это действительно подарок судьбы. Я встал, отвесив Вандереру полупоклон.

– Ваше сиятельство, – сказал я, – с бесконечной благодарностью принимаю ваше предложение...

Вандерер жестом остановил мои словоизлияния:

– Поверьте, барон, это самое малое, что я могу для вас сделать. Скажу честно, вы произвели на меня самое благоприятное впечатление и можете рассчитывать на мою поддержку во всех начинаниях.

В общем, мы расстались вполне довольные друг другом. Я подписал необходимые бумаги и стал владельцем Стенборо. Вандерер тоже что-то получил, только я никак не мог понять, что именно, но выглядел он вполне удовлетворенным. Кроме того, я получил приглашение посещать дом Вандереров когда мне будет угодно, а это тоже многое значит.

Домой я возвращался в приподнятом настроении, документы на владение Стенборо приятно грели душу. Единственное немного омрачало настроение: муж Лионы все еще оставался дома.

Когда я вернулся, мы с Анри на радостях откупорили бутылочку весьма неплохого вина и отметили, так сказать, знаменательное событие. Анри искренне радовался за меня, мы обсуждали возможности, появившиеся в связи с новым приобретением. Словом, засиделись за полночь...

Навестить Стенборо я решил незамедлительно, не откладывая дело в долгий ящик. В полдень следующего дня мы отправились в дорогу. Мы – это я, Коллайн и Проухв. Проухву мы приобрели лошадь – крупного флегматичного жеребца. Прохор гордо восседал на нем, одетый в новый дорожный костюм и вооруженный палашом. Я помимо привычной шпаги с дагой засунул за пояс пистолет.

У Анри пистолетов было целых четыре: два за поясом, и еще два имелись в седельных кобурах. С детства привыкший к такому оружию, он как стрелок представлял собой весьма грозную силу.

Преодолев большую часть пути рысью, уже к вечеру мы прибыли в Стенборо. Нас встретил управляющий Герент Райкорд. Встретил довольно настороженно. Новый хозяин означает новую жизнь, и далеко не всегда лучшую, чем прежде.

Герент Райкорд являлся управляющим уже в четвертом поколении и дело свое знал как нельзя лучше. Усадьба Стенборо представляла собой замок, построенный около двухсот лет назад и утративший свое защитное значение. Войны, в которых участвовала Империя, никогда не докатывались до

столицы, поэтому, когда замок в очередной раз перестраивался, в первую очередь рассматривались вопросы не обороны, а удобства проживания в нем.

Очень небольшой в размерах, он сразу понравился мне архитектурой. Стараясь не выдавать эмоций, я прошел в обеденную залу, где уже был накрыт ужин. Наскоро перекусив (на большее у меня не хватило терпения), я попросил Герента провести меня по замку и его окрестностям.

Чем больше я осматривал его, тем больше восхищался. Вандерер сделал мне отличный подарок, за который я был готов спасти Элоизу еще пару раз, а заодно и всех его домоладцев, а также близких и дальних родственников, не говоря уже про всякие там письма.

Наверное, все же нет, с письмами я немного погорячился. Добывая это письмо, я очень надеялся на горячую благодарность Дианы, пусть даже разовую. Меня до сих пор еще ощутимо потряхивает, когда я вспоминаю некоторые подробности наших встреч, – настолько она была хороша.

Осмотрев замок сверху донизу, мы поднялись на башню, с высоты которой открывался красивый вид на окрестности. Места и в самом деле живописнейшие. Только небольшой пруд вблизи замка чего стоит.

Все хозяйственные постройки располагались с тыльной стороны здания и прятались за ухоженным парком. Вдалеке, в долине у излучины реки, виднелась одна из деревень с таким родным названием – Малые Луки. Возможно, где-

то и Большие Луки есть. Сам замок представлял собой каменный двухэтажный дом с пристроенной башней у одного торца здания и с террасой у другого. Две залы, несколько комнат, кабинет с камином, небольшая библиотека и кухня. Имеется также несколько помещений для челяди, скромнее в размерах и по отделке.

Как рассказал управляющий, стены с надвратными башенками были снесены за ненадобностью, а ров засыпан. Теперь на этом месте росли фруктовые деревья, окружающие замок по периметру.

Вандереры бывали в имении очень редко, поэтому большая часть комнат имела нежилой вид. Мне понравилось здесь все, кроме сантехники. Но это вопрос времени, надеюсь. К концу экскурсии мы отлично поладили с Герентом. Сам он жил с семьей в небольшом флигеле. Я развеял все его опасения, заверив, что пока порядок вещей останется неизменным. Подробно расспросив его об окрестностях, я выяснил ряд интересующих меня подробностей. Больше всего меня обрадовало два обстоятельства. Первое – имелась возможность поставить на реке водяное колесо, поскольку рельеф местности это позволял. И второе – в пределах моих владений находился выход каменного угля. Я еще раз мысленно поблагодарил Вандерера за столь восхитительную плату. Спать я пошел в превосходном настроении.

Глава 5

Поход

Наутро мы с Анри Коллайном держали военный совет. Мой план в общих чертах был таков: использовать Стенборо как отправную точку нашей экспедиции на запад. Для этого необходимо набрать в принадлежавших мне селах достаточное количество людей – человек восемь – десять, естественно на лошадях, что значительно сократит время в пути. Часть людей придется вооружить, так как нам придется пересекать местности с крайне беспокойным населением.

Судя по документам, золото самородное, потребуется минимум оборудования – такого, как лопаты, кирки и лотки. Я имел неплохое представление о методах добычи золота, правда современными способами. Но если золота действительно много, то главный вопрос, как благополучно вывезти его из тех краев.

С Анри мы говорили начистоту: увидев доставленные мне заказы, он сразу понял, в чем заключается дело. На подготовку мы выделили неделю. Обговорив детали, я отправил Коллайна и Проухва в Дрондер за необходимым инструментом.

Сам же нашел управляющего и продолжил с ним разговор. Меня интересовали отставные солдаты, жившие в селах.

Таких на два села набралось пять человек. Трое из них проживали в Малых Луках, вот туда мы и отправились.

Насколько я помню, климат зависит от наклона оси планеты. Местный климат позволял собирать два, а то и три урожая в год в зависимости от культуры. До очередного сбора урожая было еще достаточно далеко, обычно он происходил перед очередным сезоном дождей.

В Малых Луках нас уже ждала немалая толпа крестьян, очевидно предупрежденных о смене владельца. Мы подъехали к небольшой площади в центре села. Множество пытливых глаз устремилось на меня, очевидно желая угадать, какие изменения их ждут в связи с этим событием.

Еще они ждали, что им скажет новый хозяин. Но что нового он мог им сказать? Все мои познания в области сельского хозяйства ограничивались такими терминами, как двуполье и трехполье, минеральные и органические удобрения. Но что это все такое – я даже понятия не имею. Сделать широкий жест и отменить на пару лет налоги? Но тогда эти налоги придется платить мне – владельцу поместья их никто не отменит. Да и не поймет этого никто.

А народ уже собрался и ждал. Кормить сервов обещаниями, как наши политики, я точно не буду. Жаль, что не успел поговорить со старостой – абсолютно не владею ситуацией. Но выкручиваться как-то надо. Я, продолжая гарцевать на Вороне, оглядел собравшихся крестьян. Ладно, буду импровизировать на ходу.

– Ну что ж, давайте знакомиться. Меня зовут барон Артуа де Койн. Земли эти я получил в вечное владение и, должен признаться, впечатлен. Места здесь очень красивые, и люди с виду хорошие. Менять пока ничего не буду – не вижу смысла. И вот уж точно чего никогда не буду делать, так это драть с вас три шкуры. Это я вам обещаю.

В дальнейшем недалеко отсюда планирую построить фабрику, где желающие смогут работать за отдельную плату. Повторяю, только желающие и только за деньги. Если возникнут какие-либо вопросы или просьбы, скажите своему старосте, он передаст управляющему. И еще: скоро сюда придут лекарь и учитель. Дети будут учиться грамоте и счету, самые способные поедут продолжать образование в городе и со временем смогут выйти в люди. Чем будет заниматься лекарь, объяснять не надо.

Необходимо и для учителя, и для лекаря построить дома, в которых они будут жить и работать. Договоримся так: деньги мои – работа ваша.

Сам я скоро уеду. Уеду далеко и надолго, и мне нужны люди – пять человек. Сразу скажу, дело опасное. Но заработать они смогут очень и очень неплохо. Каждый должен быть верхом и желательно с оружием. Кто поедет со мной, получит задаток – по половине имперской кроны.

Народ зашумел, заволновался: полкроны – деньги для крестьян значительные, если не сказать больше.

– Но еще раз повторяю, нет никакой гарантии, что вернут-

ся все. Если найдутся желающие, обращайтесь к старосте, он мне передаст. А пока, скажем так, за знакомство, управляющий пришлет вам два бочонка вина. Вот, собственно, и все, что я хотел вам сказать.

Я слез с Ворона, передал узду ближайшему мужику и пошел в дом старосты. Народ стал медленно расходиться, продолжая обсуждать последние новости. В толпе я заприметил два-три смазливых личика, но это так, чисто машинально. Конечно, хозяин барин, вряд ли кто-то из них сможет мне отказать, но такие вещи быстро становятся широко известными в свете, а это не комильфо. Причем очень даже не комильфо. Так что или – или.

Старостой в селе был мужик лет сорока пяти, грузный, с окладистой бородой и седой редеющей шевелюрой. Держался он без излишнего подобострастия, как человек, знающий себе цену.

Отказавшись от обеда, я попросил рассказать про положение в селе, сразу предупредив, что мне нужна только достоверная информация, чтобы вникнуть в курс дела. обстоятельно побеседовав со старостой около часа, я выяснил, что хозяйства в селе крепкие, в последнее время не случилось ни засух, ни неурожаев. Основная культура, возделываемая селянами, – это рожь. Переведя разговор на бывших солдат, узнал, что два из трех вернулись с увечьями, а вот третий, Нектор Гейв, вполне подходит для моих целей. Вот его-то я и попросил пригласить для разговора.

Не прошло и нескольких минут, как в дверь постучали и Нектор вошел в дверь. К тому времени я уже знал, что Гейв отслужил в егерях около десяти лет, принимал участие в двух военных кампаниях. Вернувшись около года назад, семьей не обзавелся.

Бывший егерь выглядел лет на тридцать – тридцать пять, имел шрам на лице и взгляд повидавшего жизнь человека. Среднего роста, широкоплечий, он сразу внушал к себе доверие – какой-то основательностью, что ли. Во всяком случае, мне он сразу понравился.

– Садись, Нектор, – предложил я, жестом указав на лавку.

Усевшись, бывший егерь вопросительно посмотрел на нас.

– Ты, вероятно, догадываешься, о чем пойдет речь, – начал я.

Он утвердительно кивнул.

– И что ты об этом думаешь?

Он пожал плечами и опять промолчал.

– Пойдем пройдемся, поговорим на свежем воздухе.

Некоторое время шли молча.

– Нектор, как ты здесь живешь? Нравится?

– Да разве это жизнь, ваша милость? – прорвало его. – Тоска зеленая, а не жизнь. Врагу не пожелаешь.

Видимо, такая жизнь действительно допекла человека, даже сдержаться не смог.

– Нектор, поговорим начистоту. Мне нужны люди, очень

нужны. Ты мне подходишь как никто другой. Теперь о предстоящем деле. Нам предстоит отправиться на самые окраины Империи. Ты не понаслышке знаешь о тех местах – края, где очень просто остаться без головы. Но дело того стоит, уж ты поверь. Помоги мне – и я помогу тебе. Что ты хочешь от жизни?

Нектор немного помолчал:

– А что вы можете мне предложить?

– Сейчас или потом?

– Сейчас. И потом.

– Сейчас – трудную, но высокооплачиваемую работу. Потом – все, в пределах разумного, разумеется. Пойми, люди мне нужны не на год и не на два. Но об этом мы поговорим позже, когда вернемся. Если вернемся.

– Спасибо за откровенность, ваша милость. Я согласен. Вы говорили о полукроне...

– Это самое простое. Держи! – Я залез в карман и, вынув серебряную монету достоинством в полкроны, протянул ее Нектору.

Нектор взял монету, посмотрел на нее с обеих сторон. Потом, немного помявшись, сказал:

– Понимаете, это не мне. Я живу в доме сестры. Она вдова, четверо детей, а работник из меня тот еще. Не лежит у меня душа к земле. И раньше-то не лежала, а теперь, после службы, вообще...

Порывшись в кармане, я достал золотую крону и вложил

в руку Нектора:

– Это отдашь сестре. Жду тебя завтра с утра в замке. Там решим вопрос с оружием и остальным.

Повернувшись, я пошел к дому старосты. Золотой монеты хватит, чтобы основательно поправить хозяйство. Уже подходя к дому, я обернулся. Нектор так и стоял на месте, зажав монеты в кулаке и глядя мне вслед.

По дороге в следующее село, Кривичи, я рассказывал управляющему поместьем о своих планах. Вообще-то я замыслил построить в этой местности, если можно так выразиться, целый научно-исследовательский центр с производственными площадями. В моих планах значилось производство револьверов (основная проблема – капсюль), изготовление зеркал (основная проблема – амальгама) и еще ряд других, будем так говорить, инноваций.

Револьверы будем изготавливать не самовзводные, как когда-то их называли, а по простейшей схеме, когда для каждого выстрела необходимо взводить курок. При движении курка проворачивался барабан, доставляя к стволу следующий патрон. Первые револьверы Кольта вообще были капсюльными, насколько я помню. Мне же необходим унитарный патрон. И здесь вся проблема упирается в капсюль. Токарные станки уже существуют, пусть пока примитивные. Дымный порох тоже не проблема. А вот капсюль нужно еще изобрести.

С зеркалами здесь та же история, что и на Земле. Моно-

полию на производство зеркал имело островное королевство на востоке материка, называемое Индория. Зеркала стоили очень дорого. Состав амальгамы являлся самым страшным государственным секретом. У нас практически каждый знает, что амальгама – это сплав ртути и серебра. А вот пропорции еще предстояло выяснить.

Управляющему я нарисовал перспективы в общих чертах, не объясняя подробностей. Никаких револьверов и зеркал в разговоре не упоминалось. Кроме того, он получил задание построить мельницу к моему приезду.

– Три дня вам на то, чтобы составить смету строительства, – сказал я ему. – Деньги возьмете из суммы, которую получите после продажи урожая.

В Кривичах разговор шел по такой же схеме, что и в Малых Луках. А вот в бывших солдатах я разочаровался. Абсолютно ничего интересного. Зато в Кривичах имелся собственный кузнец.

Этот факт натолкнул меня на интересную идею – сделать оболочки для ручных бомб. Порох в наличии, фитилей в избытке, если добавить оболочки и соединить все это, получится отличное оружие ближнего боя. У меня даже потенциальный метатель на примете есть – конечно же Прошка. Силы у парня достаточно, руки длинные, потренируется на подходящих по весу булыжниках – и все, готовый гранатометчик.

Кузница располагалась, как ей и положено, на краю села.

В ней работали сам кузнец и два молотобойца, его помощники. Один из них создавал впечатление вполне обученного кузнеца. Надо взять на заметку – была у меня одна идейка...

Тракт на Трондент проходил в четырех лигах от Стенборо. Там, где от него отходила дорога в мои владения, я заметил отличное местечко для строительства кемпинг-отеля... Шучу, шучу. Но мысль построить там постоянный двор пришла мне в голову сразу после того, как я увидел, что недалеко от поворота к моему имению останавливаются на ночлег торговые караваны, идущие в столицу. И, как выяснилось, останавливаются они там постоянно. А при постоялом дворе и кузницу небольшую иметь не вредно.

Пока я размышлял о предстоящих делах, кузнецы закончили работу над чем-то мне непонятным и вышли из кузни подышать свежим воздухом.

Кузнецы – народ особый, и подход к ним должен быть соответствующий. Я поприветствовал их, представившись. Старший степенно поклонился, соблюдая правила приличия, но не более того.

Помощники проявили большее уважение.

Я кивнул на одного из них:

– По всему видно – готовый мастер.

– Племянник мой, – ответил кузнец. – Что знаю, то и передал. Отделяться вот надумал. Что вашей милости угодно?

– А нужны мне от тебя, мастер, такие вот штуковины. Что-то наподобие горшков, но из железа и с узким коротким гор-

лом. Через три дня. Дюжину. Сверху оболочка из свинца...

Чем дольше я говорил, тем мрачнее становилась его физиономия. Как же, быстро, много и черт знает что.

– Определись с ценой за работу и материалы, – продолжал я. – Половину оплачу сейчас, остальное – по готовности.

А вот теперь он даже немного растерялся.

– И еще: скоро я уезжаю. Вернусь месяца через четыре, и у меня с тобой будет серьезный разговор. Но до этого к тебе подойдет с предложением управляющий. Обговорите все хорошенько, дело того стоит.

Пока кузнец прикидывал что да как, подъехал и сам Герент, куда-то отлучившийся по делам. Вечерело, а нам еще предстоял обратный путь.

Наконец мастер определился с ценой, которая меня вполне устроила. Отсчитав обещанную половину, я еще раз хорошенько объяснил задачу. Переделывать времени не будет. Заодно попросил нарезать на свинце борозды – для того чтобы поражающих элементов добавилось. Кажется, с этим тоже все. Пора возвращаться в замок.

По дороге домой я рассказал управляющему о своих замыслах относительно постоянного двора. Говорил, а сам все не мог решить – окажется ли Герент способен решать проблемы по мере поступления. Ведь сразу всего не предусмотреть, а я никак не мог составить о нем полное мнение. До сих пор он вел спокойную, размеренную жизнь без особых хлопот – вся работа состояла из присмотра за усадьбой и кре-

ствиями да сбора подати. Мне же нужен талантливый управленец, говоря современным земным языком. Сможет ли он?

По дороге в усадьбу мы успели о многом поговорить и многое обсудить. Оказалось, что Геренту приходила в голову подобная мысль, но Вандереры бывали здесь очень редко, текущее положение дел их вполне устраивало. Поместье приносит неплохой доход, а такого рода проекты слишком мелкие для состоятельных хозяев. И маялся Герент от безделья, но вот объявился барон де Койн собственной персоной... «Ничего, я тебе такое поле деятельности предоставлю, что будешь с грустью вспоминать о золотых денечках», – подумалось мне.

– Здесь вот еще что, – обратился я к нему, – нам будет нужно много кирпича для постройки фабричных зданий, лабораторий, возможно, жилых домов и обязательно стен вокруг всего этого... Еще нам нужен подходящий песок – белый такой, кварцевый. Необходимо также пригласить рудознатцев. Пусть внимательно исследуют мои земли на предмет всего, что только смогут найти. Неплохо бы осмотреть и близлежащие к нам земли чужих владений. Так, на всякий случай. Мельница само собой, это в первую очередь, сразу же после постоялого двора. Крестьянам будет удобно, и мы перестанем терять деньги, торгуя не мукой, а зерном. Таковы мои предположения, но вы управляющий, вам и карты в руки... Это далеко не все. Остальное я подробно изложу на бумаге. Вам будет чем заняться, уж поверьте. Деньги, получен-

ные после продажи урожая, – ваш расходный фонд, оставьте четверть суммы на всякий случай, а остальное смело тратьте. Но учтите, отчитываться придется за каждый медный грош.

Моя речь произвела на него впечатление. Он некоторое время смотрел на меня, переваривая услышанное.

– Постоялый двор – прежде всего. Отдача от него будет немедленная. Дома обговорим детали и установим очередность исполнения. Все это, разумеется, в том случае, если надумаете остаться. Естественно, рассмотрим вопрос о вашем жалованье. Проявите себя с лучшей стороны – никогда не пожалеете, что остались здесь. Так что думайте и решайте быстро. Время не терпит, поверьте.

– Господин де Койн, а песок-то вам зачем?

– Зеркала, Герент, зеркала. Песок – это стекло, а стекло – это зеркала. Конечно, производство зеркал мы наладим до того, как получим свое стекло – его можно купить уже готовым. И вообще, у меня со стеклом связаны большие планы, просто громадные.

– Но, господин де Койн, секрет изготовления зеркал островитяне берегут пуще глаза: вся их экономика держится именно на зеркалах.

– Герент, мы будем делать зеркала – большие и маленькие, в дорогих рамках и совсем простые, и продавать их значительно дешевле, чем индорцы. Мы вообще много чего будем делать со временем.

Герент подумал немного и спросил:

– Вот вы мне подробно все рассказываете, а какова будет в этом моя роль?

– Все зависит только от тебя, Герент, – перешел я на «ты». – Мне понадобится много толковых людей, которым я смогу доверять и которые смогут понять, что я от них требую. Один великий человек сказал: кадры решают все. У меня пока нет таких людей, по одному собираю. Работы будет очень много и очень интересной. Планов у меня хватает – если удастся претворить в жизнь хотя бы часть из них, то все, кто будут мне помогать, поднимутся очень высоко. Риск, конечно, есть, но по-другому и не бывает. А вот что скучно не будет – это точно. Так что думай, Герент, думай. Все в твоих руках.

Дома нас ждал ужин, приготовленный женой Герента, милостивой женщиной лет на пять моложе его. Замок пока без прислуги – не успел еще обзавестись. Ни тебе горничной, ни другой какой служанки... Короче, спать одному. Но едва голова коснулась подушки, как я тут же уснул. И снились мне не чувственные красавицы с пышными бюстами, а дикие горцы с саблями, стерегущие золото...

Утром на невзрачной пегой лошадке приехал Нектор Гейв в поношенной егерской форме. Не впечатляла лошадка, честное слово. Управляющий объяснил мне, что на этой лошади Нектор вернулся со службы. Несмотря на неказистый вид, кобыла обладала отменной выносливостью и была на редкость резва. Нектор так ухаживал за лошадыю, что мест-

ные острьяки предлагали ему жениться на ней.

Мы с Герентом в это время занимались ревизией имеющегося в замке оружия: снесли в кучу все барахло, имеющее к этому отношение, и стали с ним разбираться. Еще утром, встретившись с ним, я взглянул на него вопросительно. На мой молчаливый вопрос Герент ответил:

– Другого шанса у меня не будет.

Я кивнул, и мы пошли заниматься делами.

В куче железа оказались обломки древних мечей, ржавые кольчуги, пробитая в двух местах кираса, мушкет с устрашающего размера калибром, гнутая шпага – словом, всякое дерьмо.

В хозяйских покоях я нашел пару неплохих кинжалов да неисправный кремневый пистолет – всего-то. Хотя чего можно было ожидать? Естественно, что все ценные вещи были давно вывезены из поместья, и это касается не только оружия.

Нектор прибыл полностью экипированным. Помимо кремневого ружья за спиной в седельных кобурах торчали рукоятки двух пистолетов. На поясе с одной стороны – кавалерийский палаш, с другой – устрашающего вида кинжал. К седлу приторочены два мешка. Хоть сейчас в поход.

Спешившись и привязав кобылу к коновязи, Нектор подошел к нам. Мы поприветствовали друг друга, после чего я дал указание Геренту поселить Гейва в одной из свободных комнат.

Подоспело время завтрака. За едой Нектор рассказал мне, что желающих присоединиться к нам более чем достаточно. Обещанная плата привлекла многих. Чуть ли не полсела загорелось желанием составить нам компанию. Но мне не требовалось столько народа. Десять – максимум двенадцать человек вместе со мной, Коллайном и Проухвом будет достаточно. Мало, конечно, но также мало будет и пятьдесят, и сто, и триста человек. Это уж как повезет, смотря на кого нарвешься.

Вполне полагаясь на бывшего егеря в этом вопросе, я сказал ему следующее:

– Нектор, ты знаешь этих людей достаточно, для того чтобы отобрать наиболее подходящих. Шесть человек, не более. Один-два человека, владеющие оружием, если таковые найдутся; остальные нужны как работники. Уходим месяца на четыре, не меньше. О продуктах я позабочусь сам. Но каждый должен иметь при себе все необходимое для путешествия. Ты человек опытный, поговори с людьми, объясни, что нас ждут ночевки под открытым небом – лес, горы, степь, сезон дождей. Возможно, вернутся не все. В этом случае семь получают тройную оплату.

Все, кого отберешь, должны явиться сюда завтра с полным снаряжением. Посмотрим, что за люди. Я доверяю тебе целиком и полностью, но могут возникнуть вопросы. В общем, надо посмотреть на людей и поговорить с ними.

Вечером вернешься в поместье – жить теперь будешь

здесь. Отправляться можешь немедленно. Сейчас тебе покажут комнату, оставишь лишнее там. Ступай.

Нектор кивнул и ушел седлать лошадь. Когда мы вышли во двор, его уже не было.

Мушкет я все же решил взять с собой, несмотря на тяжесть – слишком уж калибр грозный. А телегу все равно придется брать с собой. Это, конечно, немного снизит скорость передвижения, но без нее не обойтись, по крайней мере по дороге туда. Слишком много вещей, даже по самым грубым прикидкам. А в случае необходимости избавиться от телеги можно в любой момент.

После обеда мы с Герентом съездили на место предполагаемого строительства. Лиги четыре от усадьбы, не больше. Подходящее местечко. Вот здесь поставим водяное колесо – рельеф вполне удачный для плотины, здесь будут располагаться корпуса... Все, хватит об этом. Есть дела более насущные.

Вечером приехали Коллайн и Прошка. Привезли свинец, часть оружия, взятого из тренировочного зала, и мою корреспонденцию. Ничего нового или срочного, только короткая записка от моей маленькой баронессы взволновала меня. Но это придется отложить на потом.

Приехал Нектор – хоть здесь все хорошо. Народ отобран, придут завтра к обеду. Нужно не забыть сказать, чтобы приготовили обед и на них. Еще Нектор привез приятную новость – к нему приехал в гости бывший сослуживец, такая

же неприкаянная душа. Узнав подробности, загорелся, стал напрашиваться в компанию, умоляя Нектора походатайствовать. Приехали вместе, сослуживец ждет внизу, у коновязи.

– Зови, – приказал я. – Посмотрим, что за гусь.

«Гусь» оказался дюжим верзилой, ненамного уступающим Прошке по габаритам. Лет примерно столько же, как Нектору, но не в пример более говорливый. Со снаряжением похуже – успел спустить по кабакам. Но лошадь, сабля и пара пистолетов были при нем. Поговорив с ним с четверть часа, расспросив о том о сем, вынес вердикт – беру. О чем и известил Шлона Брокна, так его звали. Тот чуть в пляс не пустился. Вот дурень, это я должен радоваться.

Озвучивать последнюю мысль не стал, только приказал Нектору потесниться в его комнате, а Геренту – выдать пару бутылок вина, чтобы боевые товарищи могли отметить встречу...

Задержаться пришлось на два дня больше, чем планировалось. Наконец ранним утром, еще до восхода солнца, мы пустились в дорогу. Отправились от замка, собрав всех еще с вечера, чтобы родственники не устроили ненужных долгих проводов. Было нас десять человек при трех заводных лошадях и телеге, груженной всякой всячиной – от продуктов до самодельных бомб и запаса пороха и пуль.

Пару лишних дней пришлось потратить на подгонку снаряжения и учебное бомбометание. Теперь у меня стало два бомбиста – Шлон и Прохор. Бомбы получились увесистые за

счет свинцовой рубчатой рубашки. Сначала метатели забавлялись булыжниками, подобранными по весу бомб. Затем, когда Шлон уже начал подозрительно поглядывать на меня – мол, все ли в порядке с головой, – перешли непосредственно на бомбы. Пришлось перевести две штуки. Объяснив задачу, я лично поджег фитили.

Первым бросил свою гранату Шлон. Испытывали на полуразвалившемся сарае с отсутствующей задней стенкой. Получилось славно. Бомба, брошенная Шлоном, влетела точно внутрь. На всякий случай после броска и участники, и зрители шлепнулись на землю. И правильно сделали. Грохот – и бедный сарай разлетелся в хлам. Мне даже показалось, что осколки просвистели над нами. Шлон пришел в дикий восторг, так ему понравилась новая забава. Прошка тоже не подвел. Правда, метать ему пришлось в небольшой, но глубокий овражек – меня интересовал разлет осколков. Грохот был не меньше, но визуальных эффектов не наблюдалось, кроме клубов черного дыма.

Затем все прыгнули в овраг – посмотреть, что да как. Парни как дети выковыривали осколки из глиняных стен, радуясь каждому кусочку. Я с непроницаемым видом стоял наверху, хотя в душе был очень рад, что испытания прошли удачно. Еще один козырь, который всегда можно придержать в рукаве. Бомб осталось всего девять штук, и больше переводить я не разрешил, хотя они чуть не умоляли. Даже обычно непроницаемый Анри радовался не меньше других.

С остальной экипировкой тоже получилось неплохо: у всех четырех моих бойцов имелось по меньшей мере по два ствола, а также кинжал и палаш либо сабля. Нанятые работники имели кто что, у одного даже нашлось ружье. Но перед ними ставилась другая задача.

Я определил такой порядок следования: впереди на некотором удалении ехали головным дозором два бывших егеря, Шлон и Нектор. Следом я, Анри и Прошка. Затем телега, и уже в конце отряда на разномастных лошаденках пылили остальные. Места достаточно спокойные, но пусть привыкают. В дальнейшем ничего в этом смысле менять не буду.

К вечеру мы одолели около двадцати местных лиг. Уже почти в полной темноте остановились на ночлег. Быстро развели два костра, вскоре закипела вода в котелках, запахло варевом. Как-то незаметно отряд разделился на две группы – на крестьян и воинов. Оно и понятно – разные интересы, разные темы для разговоров, разные обязанности.

Ночные дежурства я решил ввести с самого начала путешествия. Пусть входит в привычку у всех. Дежурили по двое – один от нас, один от крестьян, каждый у своего костра. Себе взял первые часы: все равно сразу не усну. Поужинав, немного посидели у костра, потом разговоры стали затихать и люди один за другим отправились спать.

Я сидел у костра и смотрел на огонь, время от времени подкидывая хворост. Это общеизвестно, что в карауле нельзя смотреть на огонь, нужно сидеть спиной к костру, иначе

ничего не увидишь. Но пока на такие вещи можно не обращать внимания. Я сидел и размышлял о предстоящем пути.

Если вникнуть в ситуацию, то экспедиция выглядит чистой воды авантюрой: небольшой отряд, недостаточная подготовка и так далее. Но что-то подсказывало мне, что следует поторапливаться. Интуиция никогда не была моим коньком, однако на этот раз я полностью ей доверился. В любом случае следовало отправляться или сейчас, или же через три-четыре месяца, уже по окончании сезона дождей.

Всхрапнули кони, я насторожился, прислушался...

Как будто бы все спокойно. Посмотрел на сидящего у костра дежурного крестьянина. Не спит, ворошит в костре палкой. Я сразу предупредил всех, что за сон на посту буду карать очень сурово. Из-за одного разгильдяя могут лишиться жизни многие отличные парни. Надеюсь, всем все понятно. Кстати, пора будить следующего – вон та яркая звезда уже над вершиной одиноко стоящего дерева.

Проснувшись рано утром, примерно за час до подъема, растолкал Прошку. Шлон уже кашеварил у костра. Бывший егерь, шутник и балагур, оказался отличным поваром. Умывшись, мы с Прошкой приступили к ежедневной тренировке. Пара тяжелых учебных сабель ехала в телеге. Прошка старательно повторял за мной все движения. Желания у парня хоть отбавляй, а вот умения пока мало. Ничего, все задатки у него имеются. Толк будет. Размявшись, перешли к учебному бою. Парирование, финт, удар. Парирование,

финт, укол. Меняемся местами. Отлично, Прохор, ты делаешь явные успехи.

После завтрака оседлали лошадей, тронулись в путь. В полдень привал, перекусываем, снова в путь, теперь уже до темноты. Третий день ничем не отличается от предыдущих. Так и движемся, день за днем. Мелкие городки проезжаем не останавливаясь, лишь изредка прикупая что-нибудь необходимое. Иногда мы с Анри снимаем комнаты на постоянных дворах, остальные ночуют табором. Ландшафт начинает меняться, селения все реже, леса все гуще. На третьей неделе пути на горизонте появляется Трондент, крупнейший город на западе Империи. У Анри здесь есть родственники, много знакомых. Я принял решение дать людям два дня отдыха.

Пока все держатся прекрасно, никаких происшествий, никто не заболел, лошади не захромали. Но впереди самая трудная часть пути: места почти безлюдные, равнина переходит в предгорье. Границы Империи там очень условны, власть находится у князьков местных полудиких племен.

Остановились, как обычно, табором у реки. Оставив Нектора старшим, объяснив задачи и выдав немного денег на расходы, мы с Анри отправились в город. Прошку, конечно, взяли с собой – да он и сам как тень, всегда у меня за левым плечом. Чем больше его узнаю, тем больше он мне нравится. Все схватывает на лету, не забывает ничего, не путает. Вот только наивный слишком, но ничего, это пройдет, жизнь заставит.

Задачи Нектору я поставил самые несложные – отдых, ревизия имущества на предмет пригодности, при нужде перековать лошадей, закупить кое-что из провизии. И поработать с крестьянами на случай возможной стычки с разбойниками. Пока Бог миловал – ни одной встречи, хотя попадались люди, пострадавшие от них. Еще одна задача, поставленная Нектору, – это изготовление пик.

Достаточное количество наконечников, изготовленных кузнецом в Кривичах, мы привезли с собой. Осталось насадить их на древки. Места здесь лесистые, отыскать древки из сухого, выдержанного дерева не составит труда. А крестьяне к подобным предметам привычны – взять хотя бы те же вилы. Ну и погонять их немного, чтобы начинали привыкать... В общем, работай, Нектор.

Трондент мне понравился. Уютный такой, знаете, городок. И совсем не маленький. А что особенно понравилось, так это обилие симпатичных девушек и женщин. Ничего удивительного – здоровый образ жизни, свежий воздух, калорийное питание и ежедневные физические упражнения определенно вызывают повышенный интерес к прекрасному полу. А посмотреть было на что.

– Их сюда, наверное, специально собирают, – заметил Анри, имея в виду красивых женщин.

– Ничуть не удивлюсь, если это и в самом деле так, – согласился я.

Наконец мы добрались до дома одного из родственников

Коллайна. К счастью, двоюродный дядя оказался дома, и через пару часов, вымытые и накормленные, мы оценивали вино нового урожая в его кабинете. Дядя живо интересовался у своего племянника столичными новостями, расспрашивал об общих знакомых, я же был предоставлен самому себе и лишь изредка вставлял комментарии.

– Кстати, сегодня у наместника императора бал по случаю дня рождения супруги. Если желаете, господа, можете составить мне компанию, – заметил хозяин.

Мы с Анри переглянулись – а почему бы и нет? Отличная возможность развеяться после серых будней и дорожной скуки.

Когда мы прибыли в особняк наместника, веселье было уже в полном разгаре. Музыка, дамы в вечерних платьях, смех, звон бокалов, танцующие пары.

После столицы все смотрелось несколько убого – провинция есть провинция, но резкий контраст после двух недель кочевой жизни давал о себе знать. Анри представил меня нескольким своим знакомым дамам и господам, отрекомендовал как лучшего своего друга и улетел, подхватив под ручку высокую брюнетку с потрясающим бюстом. Бросил, негодяй, на произвол судьбы. Придется выкручиваться самостоятельно. Для начала, чтобы создать настроение, я воздал должное парочке бокалов местного вина и, подхватив с подноса третий, отправился в обход территории.

Безусловно, королевой бала являлась высокая блондинка

с роскошной фигурой и яркими васильковыми глазами, одетая в черное, не слишком открытое платье. Вокруг нее увиделись все местные донжуаны – они наперебой сыпали комплиментами и восторгались каждым ее словом. Но выражение лица блондинки показалось мне слегка скучающим.

Я знаю такой тип женщин, властных по отношению к мужчинам и требующих постоянного внимания. Но выглядела она сногшибательно. Еще одна роковая красотка. Наши взгляды на какой-то миг встретились, и я отвернулся с самым равнодушным видом. У меня свои правила игры. Краем глаза я видел, как она движением подбородка указала на меня и что-то спросила. Тут же нашелся знаток, который знал обо мне подробности. Друг Анри Коллайна, барон Артуа де Койн, холост, прибыл из столицы с отрядом, направляется неизвестно куда, неплохо фехтует – вот, пожалуй, и все. Больше они ничего обо мне знать не могли. Старательно игнорируя красавицу, я обвел взглядом зал.

Мое внимание привлекла совсем молодая невысокая девушка в очень простом платье, с не то чтобы некрасивым, но обыкновенным лицом. У нее были немного неправильные черты и прическа, которая скорее портила, чем украшала. Стояла она чуть в стороне от роковой красотки, возле одной из колонн, в компании такой же невзрачной подруги. И только глаза, темные и немного печальные, выделялись в общем облике.

Откуда-то вынырнул Анри, все с той же брюнеткой под

ручку, и сразу начал предостерегать от знакомства с блондинкой:

– Зовут графиню Аманда де Манор, недавно овдовела, муж был офицером, погиб в стычке с дикими горцами. Роба носил ветвистые. Вдова манипулирует мужчинами как марионетками. Любит высмеять, поставить в дурацкое положение. В общем, та еще дама. Смотри сам, но на всякий случай скажу: тобой интересовалась. Надумаешь – познакомлю.

– Спасибо за заботу, Анри, но я уж как-нибудь сам.

– Не говори потом, что не предупреждал, Артуа. Кроме всего, она вполне может обеспечить тебя парочкой дуэлей не на самых честных условиях. Говорят, и такое бывало. Стерва, а не женщина. Но хороша собой, чего говорить. Удачи, Артуа. Видит Создатель, она тебе понадобится.

Я отсалютовал ему бокалом и встал, прислонившись к колонне. Заиграла музыка, объявили следующий тур. Сунув бокал в руки пробежавшему мимо лакею, направился в сторону Аманды. Мой маневр не остался без внимания с ее стороны. Естественно, она продолжала разговор с одним из своих поклонников. Не знаю, какую месть она задумала, но я разрушил все ее планы. Я прошел мимо и, не замедляя шага, направился к девушке, стоящей у стены в окружении нескольких подруг, оживленно что-то обсуждающих.

Мне показалась, что Аманда даже слегка запнулась, настолько неожиданно я себя повел. Подойдя к незнакомке, слегка поклонился:

– Мадемуазель, разрешите пригласить вас на танец. Мы не представлены – не сочтите за наглость, если я сделаю это сам. Меня зовут Артуа де Койн, барон. И я буду очень опечален, если вы мне откажете. Очень прошу вас, окажите мне честь.

Она удивленно подняла на меня глаза и, не увидев ни тени насмешки, сказала:

– С удовольствием, барон. Мариам Сюнор, граф Антуан Сюнор – мой отец, – и слегка присела.

Я не знал, кто такой граф Сюнор, но кивнул с понимающим видом.

Танцевала Мариам хорошо, я тоже был в ударе, и на нас обращали внимание. Во время танца я успел отпустить пару шуток совсем не фривольного содержания. Щечки Мариам порозовели от танца, шутки мои умели успех, а улыбка красила ее лицо. После танца мы не спешили расставаться – присели за столик, продолжая мило беседовать. Я не строил никаких планов относительно Мариам, да и вряд ли бы мне это удалось.

Поговорив и немного пошутив над некоторыми присутствующими, мы станцевали еще один танец, потом попробовали вишневого вина, сойдясь во мнении, что оно не очень.

– У вас замечательная фигурка, Мариам, и напрасно вы ее прячете. А ваши глаза как два омута, таких глубоких, что можно утонуть. Нет-нет, Мариам, не подумайте ничего дурного – просто я имею плохую привычку говорить то, что вижу.

– И что же вы еще видите, Артуа? – спросила Мариам, подумав и решив не обижаться.

– Еще я вижу, что вы умная, ироничная леди, но почему-то не уделяете должного внимания некоторым вещам, которые могли бы раскрыть вашу натуру и приоткрыть внутренний мир...

А как еще можно объяснить женщине, что если невозможно спрятать недостатки, то следует подчеркнуть достоинства. Что плохо пошитое платье не подчеркивает фигуру, а делает ее бесформенной. Что ее грудь, волнующих размеров и отличной формы, надежно спрятана от глаз, а прическа вовсе никуда не годится.

– Вы считаете это важным?

– Конечно, Мариам, конечно. Это очень важно. Вы очень хорошая, чистая, добрая, но кто же вам поможет, кроме вас самой?

– И вы подошли ко мне только ради этого?

– Нет, конечно. Честно вам скажу, у меня были совсем другие планы. Но когда я узнал вас поближе... Эх, да что теперь говорить! – Конечно, я покривил душой, но уж слишком печальные у нее были глаза.

Девушка весело рассмеялась:

– Я знаю, что вы мне все врете, но так хочется вам поверить! И знаете, я поверю. Артуа, мне пора возвращаться домой, вы не проводите меня до кареты?

– Непременно, Мариам. Кстати, у меня к вам совсем ма-

ленькая просьба. – Я придал лицу очень серьезное выражение.

Мариам нахмурилась:

– Все, что в моих силах, Артуа.

– Нет, сразу пообещайте мне выполнить ее. – Я продолжал держать лицо крайне серьезным.

Девушка выглядела растерянной: обещать то, не зная что...

Я сделал вид, что наконец-то решился, и сказал ей:

– Обещайте чаще улыбаться. Когда вы улыбаетесь, как будто солнышко выглядывает из-за туч, светлее становится.

Улыбка у нее действительно была очень славная.

Рука об руку, весело переговариваясь, мы подошли к карете. Здесь Мариам привстала на цыпочки и поцеловала меня в щеку.

– Спасибо вам за все. Я и не помню, когда мне в последний раз довелось так приятно провести вечер.

Помогая ей подняться в карету, я успел шепнуть на самое ушко:

– Кстати, Мариам, у вас походка очень волнующая. Особенно, если сзади смотреть, – и побыстрее захлопнул дверцу.

Смеясь, она погрозила мне пальчиком через стекло.

Возвращаясь, я все думал: ну какого черта ты лезешь со своими наставлениями к совершенно незнакомым людям? Они прекрасно могут обойтись и без них. Но слишком уж печальные глаза были у Мариам и удивительно светлая улыбка.

Нельзя в одночасье измениться, следуя словам незнакомца, но иногда такой совет очень помогает, знаю по себе.

Глава 6

Подарок Аманды

Когда я вернулся, объявили очередной тур. Я решительным шагом пересек залу, подошел к Аманде, щелкнул каблуками и произнес:

– Леди Аманда, все, что мне нужно для счастья, – это один танец с вами. Будьте милосердны, не откажите в такой мелочи.

Аманда сидела в кресле в окружении поклонников и внимала их красноречию. На мое неожиданное появление она растерянно захлопала пушистыми ресницами, однако быстро пришла в себя и спросила:

– А где же ваша партнерша, Мариам?

– Вот об этом я и хотел поговорить.

– Со мной? – Она растерялась еще больше.

– Конечно, с вами. Вряд ли кто еще сможет помочь...

Заинтригованная Аманда поднялась из кресла. Я завладел ее рукой и повел к танцующим парам.

– И о чем же вы хотели поговорить, барон?

– О вас конечно же, – не ослабляя напора, сказал я. – Леди Аманда, вы настолько ослепили меня своей красотой, что я совсем потерял голову.

– Позвольте, но ведь мы собирались поговорить совер-

шенно на другую тему!

– Это была маленькая военная хитрость. Обходной маневр с целью завладеть вашим вниманием.

Мы полностью отдались танцу, и должен признать, что как партнерша Аманда была великолепна.

Сразу по окончании тура я заявил, увлекая ее из зала:

– Аманда, давайте выйдем на воздух. Вы не находите, что здесь душновато?

Я поставил перед собой цель завлечь Аманду в темный уголок – и через несколько минут успешно достиг цели.

В тени раскидистого цветущего куста, благоухающего незнакомым, но приятным запахом, я привлек девушку к себе, крепко обхватив руками за талию.

– Барон, да что вы себе позволяете? – изумленно спросила она.

– Леди Аманда, – услышала она в ответ, – сейчас я начну вас страстно целовать, и вам придется выбирать один из двух вариантов. Первый – вы расцарапаете мне лицо и гордо уйдете к своим воздыхателям, которые считаются мужчинами только потому, что носят брюки, а не юбки. Я, обливаясь слезами и кровью, удалюсь по своим делам. Вариант второй – вы отвечаете на мои горячие лобзания не менее горячими поцелуями. В этом случае я никуда не удаляюсь, вернее, мы удаляемся вместе. Даю вам немного времени подумать об этом.

Я с самого начала выбрал роль brutального самца и не

собирался отступить.

– Ну вы и нахал, барон, – даже с каким-то восхищением произнесла она. – А почему вы так отзываетесь о моих кавалерах?

– Если бы среди ваших поклонников был хоть один настоящий мужчина, он давно разогнал бы всех остальных, чтобы не путались под ногами. Извините, но время вышло. – И я впился в ее губы поцелуем.

Сделав несколько попыток освободиться, Аманда оставила эту бесполезную затею. А я действительно потерял голову. Запах волос, упругая гибкость тела – Боже мой, что за женщина! Я с трудом оторвался от нее, когда она заколотила меня кулачком по спине.

– Вы самый большой негодяй, Артуа, из всех мужчин, что я только видела. Хотя ваши доводы весьма убедительны, – тихо рассмеялась она. – Но существует одна трудность: я все еще ношу траур по мужу.

– Мы сделаем это медленно и печально, – шепнул я, слегка укусив при этом за мочку.

Она недоуменно посмотрела на меня. Пришлось рассказать анекдот о любовнике, заявившемся к вдове вечером сразу после похорон. Она звонко рассмеялась. Прижимать женщину к себе, когда она смеется, это особое удовольствие, скажу я вам.

Отсмеявшись, Аманда сказала мне с деланой серьезностью:

– Барон, я всего лишь слабая женщина, и мне не устоять перед таким напором. Но видит Создатель, я сопротивлялась сколько могла...

Я прикрыл ее рот еще одним поцелуем, на этот раз очень нежным...

Вся ситуация полностью укладывалась в дремучий анекдот о поручике Ржевском, у которого спросили, как он добивается успеха у женщин. Ну и чем я рисковал? Тем, что получу по своей наглой роже? Так давно уже пора...

В любви Аманда оказалась воплощением страсти. Как и в жизни, она пыталась доминировать, но у меня в этом деле свои принципы, и мы быстроладили. Даже самой сильной женщине иногда хочется побыть слабой и незащищенной.

В перерывах между приступами страсти Аманда рассказывала мне о своей жизни, о неудачном замужестве. Когда она вышла за графа, он виделся ей воплощением девичьей мечты. Однако высокий, с мужественным лицом и в блестящем мундире граф оказался человеком мелочным, со слабым характером, к тому же имеющим не совсем здоровые наклонности. Кроме того, добавились проблемы совсем другого плана: Аманда никак не могла забеременеть. Упреки со стороны мужа чуть не довели ее до нервного срыва. Его нелепая смерть – во время переправы граф умудрился упасть с лошади и утонуть – не слишком огорчила бедную девушку. Любовь давно уже прошла, да и была ли она? Граф нуждался не в жене, а в наследнике. В последнее время он все больше

отдавался своей порочной страсти, предпочитая выступать в роли женщины. Мало того, он пытался использовать жену в качестве приманки для привлечения новых мужчин. Аманду даже передернуло от отвращения, когда она это рассказывала.

Я прижал ее покрепче к себе и, глядя по волосам, попытался успокоить:

– Аманда, ты молодая и красивая женщина, вполне обеспеченная, у тебя впереди долгая счастливая жизнь. Все забудется как кошмарный сон. Представь себе женщину твоих лет – мать семерых детей, уставшую, рано состарившуюся. От мужа она только и слышит – «жрать давай» да «подними подол». И нет у нее другой жизни и никогда не будет, и она знает об этом. Сидит и плачет. А хозяйство все – огород, коровенка и старая кляча, да еще поле, на котором пахать и пахать, чтобы не умереть с голоду. И сидеть-то ей некогда – работы еще непочатый край. А вскоре придет пьяный муж, которому и в голову не придет обнять, поцеловать, слово ласковое сказать. Ты думаешь, она одна такая? Если бы! Ты представь себе, сколько их – и все твои проблемы покажутся мелкими...

Аманда явственно вздрогнула, зябко повела плечами. Я еще крепче прижал ее к себе. Думай, солнышко, думай. Все познается в сравнении.

– Артуа, – спросила она уже совсем другим голосом, – а там, куда вы едете, опасно?

– Очень, – не стал я кривить душой. Да и к чему напрасная бравада? – Вполне возможно, что это дорога в один конец.

– А почему тогда ты едешь?

– Понимаешь, Аманда, это мой шанс. Может быть, даже единственный. Я фактически все поставил на кон, и в случае успеха у меня появятся головокружительные возможности. У меня грандиозные планы, но они требуют не менее грандиозных вложений. Я не хочу прозябать в своем имении или стать на весь остаток жизни завсегдатаем салонов. Хочу заняться производством, многими серьезными проектами. Честное слово, у меня есть для этого и знания, и возможности. Не хватает только одного – и вот за этим-то мы и направляемся.

Теперь представь себе горную цепь, на другой стороне которой находится то, что мне нужно. Есть объездная дорога – такая длинная, что на нее может уйти вся жизнь. Но имеется и другой путь, который ведет напрямик. Он очень опасный, там пропасти, враги, дикие звери. Но он значительно короче. Нет никакой гарантии, что мы сможем преодолеть его, не погибнув при этом...

И вот когда я увидел одну необыкновенную красавицу, то подумал: если я не подойду к ней сейчас, то буду потом очень жалеть об этом. Один Создатель ведает, что со мной произойдет завтра или послезавтра. И это помогло мне решиться.

– И ты сразу же отправился к Мариам, – засмеялась Аман-

да. – Кстати, что ты ей такого наговорил, что она прямо преобразилась?

– Я сказал ей то, что знает любая женщина. И она об этом знала, только не придавала большого значения.

– А я тебя сразу увидела. Ты вошел такой походкой... – Она неопределенно поводила кистью руки. Вспомнив все подробности, Аманда добавила: – Ну ты и нахал, Артуа... Свет таких не видывал:

Поздним утром, наблюдая, как я одеваюсь, Аманда спросила:

– Артуа, ты придешь сегодня?

– Даже не пытайся от меня избавиться, пока не уеду. Я приду вечером. Надеюсь, ты будешь дома?

– Приходи сразу, как только покончишь с делами. Я буду ждать. – Аманда сладко потянулась под одеялом...

Часам к трем пополудни мы с Анри управились со всеми делами. Купили на местном базаре продуктов, передав их Проухву и одному из крестьян, прибывших с нами из Стенборо. Посетили местную ратушу, но неудачно. Мы предполагали встретить здесь человека, близко знакомого с местами, по которым пройдет наш путь (юридически эта территория принадлежит Империи, но там ее власть весьма призрачна, и потому любая информация могла пригодиться). Увы, нужного человека мы не застали: он находился в поездке и должен был вернуться только через неделю.

Недалеко от ратуши в двухэтажном здании расположи-

лась корчма с неплохой кухней, знакомая Анри еще по прежним временам. Вот в нее-то мы и заглянули, чтобы утолить жажду и голод.

Пока готовилось жаркое, подали красное вино, сыр и зелень.

– Артуа, боюсь, что новости не самые приятные. – Анри первым начал разговор.

Что мне в нем нравилось помимо других достоинств – способность добывать информацию, и я собирался в дальнейшем использовать это его качество, но ему пока не сообщал. Я заинтересованно кивнул, продолжая рассматривать на свет бокал с вином.

– Появились слухи, что мы везем золото для одного из степных князьков якобы в обмен на какие-то договоренности.

Я поставил бокал на стол, обдумал услышанную новость и заявил:

– Но это же чушь, Анри. Наш отряд слишком мал, да и люди совершенно не подходят для обычных в таких случаях делегаций. Крестьяне, отставники, два мелких барончика. Извини, но это о нас... Чушь, ни один умный человек не поверит.

– И тем не менее, Артуа, тем не менее. Человек, с которым я разговаривал, абсолютно уверен в этом. Он даже указал место, где хранится золото.

– И где же оно? Может, нам и не стоит ехать дальше, если

оно спрятано под боком? – хохотнул я.

– В телеге, в деревянном ящике, который упрятан в кожаный мешок.

Ну и дела... В деревянном ящике лежали бомбы, каждая обернутая в кусок кожи, чтобы порох не отсырел. Только нанятым мною работникам могла прийти в голову такая чушь – остальные знали действительное положение дел. Мне и в голову не пришло – показать крестьянам бомбы, а теперь получилось, что зря.

Принесли горячее, бараньи ребрышки со специями и парочку зажаренных цыплят.

– Артуа, тебе прекрасно известно, что золото как магнит притягивает к себе всяких негодяев, – продолжал Анри, отдавая должное горячему.

– Предупрежден – значит вооружен. Будем решать проблемы по мере их поступления, – ввернул я подходящие афоризмы.

Анри засмеялся:

– Артуа, у тебя на каждый случай пара подходящих изречений. Ты где их берешь?

– Много будешь знать – скоро состаришься, – выдал я очередной перл. – Анри, когда вернемся... э-э... если вернемся, – как тебе больше нравится, – что ты будешь делать дальше, когда получишь свою долю?

– Мне нравится ваш оптимизм, барон. Но так далеко я не заглядываю.

– Хорошо. Тогда у меня предложение, а у тебя будет время, чтобы обдумать его, – заговорил я. – Анри, если у нас все получится, как задумано, мне потребуется твоя помощь, – издали начал я.

– И в чем она будет заключаться? – заинтересовался Анри.

– Мы создадим могучую империю. Империю внутри Империи. Но мы не станем заниматься политикой, это не для нас. Наша цель – производство, разработка новых технологий, научные изыскания. И мне понадобится человек твоего типа. Анри, как ты думаешь, что дороже всего на свете?

– Золото и бриллианты, – не задумываясь, ответил он.

– Нет, ты тысячу раз неправ. Самый дорогой товар – это информация. Так было, есть и будет.

Анри с некоторым сомнением посмотрел на меня.

– Я могу привести для наглядности миллион примеров, но хватит и нескольких. Возьмем самый простейший. Ведет купец свой караван, и его поджидают разбойники. Для обеих сторон информация друг о друге – это не цена золота, но цена жизни. Купец дорого даст за информацию о месте засады, количестве нападающих. Разбойники – за информацию о товарах купца и его охране.

Рассмотрим другой вариант. Предположим, что некто, затратив уйму времени и кучу золота, придумал, довел до ума и запустил в производство некий новый механизм, способный в области техники сделать революцию. Спрос обеспечен, цену можно назначить любую. Казалось бы, живи и ра-

дуйся. Но нет. Оказывается, что подобный механизм выпускает и продает кто-то еще. И цены у него значительно ниже, поскольку ему не пришлось тратиться на разработку и внедрение. Несложно догадаться, почему так случилось. Или вот еще ситуация...

Поговорив на эту тему еще некоторое время, я перешел к главному:

– Анри, я вижу тебя в роли начальника службы, добывающей информацию и отвечающей за ее сохранность. У тебя будет достаточное количество людей, которых ты подберешь сам, и денег ровно столько, сколько понадобится. Я даже не требую от тебя немедленного ответа. Поговорим об этом на обратном пути, – конечно, в том случае, если все сложится удачно.

Коллайн кивнул, продолжая задумчиво смотреть на меня. Затем, видимо решившись, сказал:

– Артуа, я давно хотел задать тебе вопрос. Конечно, ты можешь не отвечать, но все же спрошу. Ты ведь в Империи не так давно – а откуда ты прибыл?

Да, этот вопрос давно назрел. Но что на него отвечать – не знаю. Сказать, что с Луны свалился? Так здесь даже Луны нет. Выложить истинную историю моего появления – тоже не вариант.

Как он воспримет правду о том, что в один прекрасный (или не очень) момент я оказался на берегу моря совершенно голым? Прямо как Терминатор. Или нет, скорее как Афро-

дит, поскольку лежал как раз на линии приборя... Как на общеимперском будет «Пенорожденный»? Какуокль. Не слишком благозвучно, улыбнулся я своим мыслям. А Коллайн ждал.

Сказать, что из другого мира – тоже не годится. Не факт, что он поверит, да и подкрепить нечем. Еще сумасшедшим сочтет.

Раньше таких проблем не было, я ничем не выделялся, кроме акцента. Но Империя – многонациональная держава, этим здесь никого не удивишь. До сих пор я ни на чем не прокололся. Гранаты? Так идея на поверхности лежит. Кроме того, вполне вероятно, что их где-нибудь уже используют.

Надо придумать что-то попроще – про далекий остров или горную страну, существующую в изоляции от остальных. И обязательно про тайные знания моего народа завернуть, чтобы потом люди не удивлялись. Ну и часть правды о том, как на берегу оказался.

Так, значит... Шли мы на корабле в Гроугент, крупнейший порт Империи, потом шторм, волной смыло, еле доплыл до берега. До этого жил в Непале, далекой горной стране, где и узнал много всякого, что можно использовать. А что? Все равно не знаю, как здесь горные страны называются, а уж Непал точно не забуду. Все это я и выложил Коллайну. Не знаю, поверил он мне или нет, но отнесся к моему рассказу спокойно.

Фу, выдохнул я про себя. Как будто прокатило. На всякий

случай заявил, чтобы он не принимал меня за принца, путешествующего инкогнито.

На это Анри рассмеялся:

– Не дожدهшься, манеры не те.

– Я что, за столом чавкаю?

– Нет, – успокоил он. И добавил, что совсем не обязательно благодарить служанку всякий раз, когда она что-нибудь на стол приносит. Принцы так не делают. У-у, язва!

– У меня к тебе маленькая просьба, Анри. Встретимся завтра на рассвете у Западных ворот. И захвати с собой моего Ворона, не сочти за труд.

Барон рассмеялся:

– Надеюсь, Артуа, у тебя будет время позавтракать.

– Я тоже на это надеюсь. До завтра. Передавай привет своей черноглазой красавице! – И мы разошлись в разные стороны.

Аманда обрадовалась, увидев меня. По крайней мере, насколько я разбираюсь в женщинах.

– Артуа, ты голоден? – спросила она, провожая меня в гостиную.

Я не стал отпираться.

– Просто чертовски, зверски голоден, – сказал я, не спуская кровожадного взгляда с ее декольте.

– Я совсем не об этом, дурачок, – прикрывая вырез платья рукой, смеясь, сказала она. – Ты что-нибудь ел или времени не хватило? – Последние слова она произносила, отбиваясь

от моих настойчивых рук...

Мы не спали всю ночь. Болтали обо всем на свете, занимались любовью, пили молодое вино с персиками, смеялись безо всяких причин. Нам хотелось, чтобы эта ночь не заканчивалась никогда. Но так не бывает. Небо за окном все больше светлело. Наконец я решительно встал и начал одеваться. Аманда накинула пеньюар и подошла ко мне, уже полностью одетому.

– Артуа, – сказала она, положив руки мне на плечи и заглядывая в глаза, – обещай, что, когда будешь в следующий раз в нашем городе, непременно навестишь меня. Непременно.

– Обещаю, Аманда. Только боюсь, что к тому времени ты уже выйдешь замуж за хорошего человека и родишь ему одного, а то и двух детей.

– Все равно обещай. Кстати, что касается детей, то если родится мальчик, я уже придумала ему имя. – Она тихо расмеялась. – И еще, подожди немного... – С этими словами Аманда подошла к столу и достала из ящика плоский лакированный футляр темного дерева с золотым вензелем на верхней крышке. Протянув его мне, она сказала:

– Возьми, Артуа, от меня на память, это тебе очень может пригодиться.

Я открыл коробку.

В углублении на бархатном ложе покоился пистолет с двумя вертикально расположенными стволами. Я осторожно из-

влек его оттуда. Пистолет лег в руку так, будто специально для нее был создан. Удобная рукоять с рубчатыми накладками из кости, тот же вензель на ее торце, что и на коробке, вороненные стволы, изящной формы курок. Невооруженным глазом было видно, что это работа Мастера. В остальных углублениях коробки лежали приспособления для ухода за оружием, мерка для пороха, запасные кремни и еще несколько предметов непонятного назначения. Я еще раз взглянул на пистолет, вздохнув про себя, положил его в коробку, а коробку – на столик:

– Спасибо, Аманда, но я не могу это взять. Ответного подарка нет, а купить его у меня попросту не хватит денег.

Аманда нахмурилась:

– Артуа, ты обязательно возьмешь пистолет. Не спорь, пожалуйста, со мной. И не подумай, что я дарю тебе вещи покойного мужа. А что касается твоего подарка мне... возможно, я узнаю о нем раньше, чем ты...

Если вы решили, что я тут же покинул Аманду, то заблуждаетесь. Анри пришлось ждать меня лишние полчаса.

Глава 7

Первый бой

В путь мы отправились лишь спустя пару часов после расвета. Выстроились обычным порядком и, поднимая пыль, двинулись по дороге. Некоторое время все ехали в молчании, думая каждый о своем. Я еще чувствовал на губах вкус поцелуев Аманды, горячую гибкость ее тела...

Расставаться всегда тяжело, в особенности с теми, к кому успел привязаться. Чтобы отвлечься от горьких мыслей, я достал пистолет и принялся его рассматривать. Интересная конструкция: один курок и один спусковой крючок на два ствола. Повертев его в руках, пощелкав взводом и спуском, я понял принцип действия механизма. Взведя курок на один щелчок, можно выстрелить из верхнего ствола. Вторым щелчком открывается возможность выстрела из нижнего. А взвод курка на два щелчка позволяет поочередно стрелять из обоих стволов, дважды нажимая на спусковой крючок. Дуплетом пистолет не стрелял, что значительно увеличивало его надежность. Полки располагаются по разным сторонам, что исключает возможность самопроизвольного возгорания затравки соседнего ствола. Сказка, а не пистолет. Спасибо, Аманда, спасибо, солнышко. При первой возможности заплачу за подарок старицей. Подъехал Анри, взглянул на

пистолет, и у него округлились глаза. Мне даже показалось, что у него дрогнул голос, когда он попросил посмотреть его.

– Да, – произнес он через некоторое время, – вот и мне выпало счастье подержать в руках работу мастера Гоббели.

– Можешь даже пострелять из него, – предложил я.

Анри сноровисто зарядил оба ствола и выстрелил, почти не целясь, в кочаны капусты, росшие на поле рядом с дорогой, попав оба раза.

– Заряди уж и мне, – попросил я.

Глядя на его движения, я завистливо сказал:

– Никогда мне так не научиться.

– Особенно если ты всякий раз будешь перекладывать эту работу на чужие плечи, – засмеялся Анри, протягивая мне заряженный пистолет рукояткой вперед. – Тебе очень повезло, Артуа. Работы маэстро Гоббели стоят бешеных денег. Такой пистолет как раз в пару к твоей шпаге.

А шпага у меня знатная, спору нет. Если присмотреться внимательно, то можно увидеть на клинке узор из перекрученных волокон. Теоретически я знаю такую технологию. Берутся три прутка из железа с разным уровнем содержания углерода, раскаляются, их скручивают и расковывают. Полученный прут разрезают на три равные части, раскаляют, скручивают и опять расковывают. И так много раз. Да, забыл еще сказать, что в сплаве обязательно должен присутствовать графит. Готовый клинок медленно, в течение трех-четырёх суток, охлаждают. Но это в теории, а на практике

работа может занять полгода, а то и больше.

Сам клинок темный с еле заметным синеватым отливом. Форма его нечто среднее между шпагой и саблей с узким неглубоким долом с обеих сторон – позволяет наносить как колющие, так и достаточно мощные рубящие удары. Эфес с виду не очень привлекательный, без всяких вычурных украшений, но даже с первого взгляда становится ясно, что он сам по себе является произведением искусства. Гарда крестообразная, с прикрывающей руку широкой дугой. Единственное украшение – крупный синий сапфир на торце эфеса, чистейшей воды и удивительной огранки. Досталось мне это чудо в том же деле, что и дворянское звание.

– Анри, – спросил я, отвлекаясь от воспоминаний, – а мастер этот, Гобелли, он еще жив?

– Поговаривают, что да. Но он удалился от дел и живет где-то на побережье. А зачем тебе он?

Стволы пистолета имеют воронение, мне это пригодится в будущем. Сама технология не слишком распространена, а возможно, даже является тайной. Кроме того, у меня будет чем удивить оружейного мастера.

– Мне нужно будет с ним поговорить. У меня есть предложение, от которого он не сможет отказаться, – произнес я широко известную в моем мире фразу.

Анри посмотрел на меня с непонятым выражением.

– Я найду его, когда понадобится, – пообещал он.

До самого привала ехали молча. Перекусив купленными

в городе продуктами и напоив лошадей из небольшого озера, на берегу которого остановились, мы продолжили путь. Привстав на стременах, я оглядел свой небольшой отряд. Все бодры, иногда перешучиваются – в общем, пока все в порядке. Эх, мне хотя бы месяц на подготовку... Подобрали бы хорошее снаряжение, потренировались пешему и конному бою.

В дороге мы тоже старались не терять зря времени, проводя иногда учения по отражению вражеской атаки. Получалось не очень, но хоть что-то. Не прерывал я и утренние занятия с Прошкой, иногда подключая Коллайна или егерей.

– Проухв, – наставлял я его, – твое место сзади слева от меня. Ты оберегаешь от удара в спину. Я атакую врага, ты оберегаешь. Вперед не вырываешься, бьешь только того, до кого дотянешься, не покидая свое место.

Прошка делал неплохие успехи, рубя своим палахом придорожные кусты и деревья, но балот давался парню намного легче. Бывшие егеря действовали в паре, Анри предпочитал работать в одиночку. Крестьяне своими пиками больше мешали друг другу, и я никак не мог научить их взаимодействию. Да и когда учить-то? Единственное, что мы хорошо научились делать, так это понимать друг друга с помощью жестов. Взяв за основу сигналы егерской службы, я кое-что изменил, что-то добавил. Изрядно потренировавшись на ходу, добились в этом полного взаимопонимания.

– Приказы должны выполняться беспрекословно и мо-

ментально. В некоторых ситуациях только это и может спасти нас. При команде «спешиться» сначала мгновенно со- скакиваем с коней, а уже потом крутим головой по сторонам. То же касается и любой другой команды.

Все это в большей степени относилось к крестьянам. остальные знали цену вовремя отданной команде. А с Прошкой вообще проблем не было – парень моментально исполнял любой приказ...

Ближе к вечеру селения стали попадаться все реже. Поля сменялись перелесками, густой лес иногда подступал к самой дороге. Светило уже склонялось к закату, когда я увидел, что наши дозорные остановились, поджидая нас.

Они застыли у самого края леса, через который проходила дорога. Нектор подал знак «всем внимание», и я решил проявить осторожность. Место вполне подходило для засады: густой кустарник вдоль опушки, за ним стеной стоит лес. С обеих сторон дороги степь, поросшая высокой травой.

– Оружие к бою, – негромко сказал я, сопровождая эти слова условным жестом. Защелкали взводимые курки, люди поправляли оружие, – словом, делали все то, что мы не раз проигрывали в учениях.

Поравнявшись с Нектором и Шлоном, я попридержал Ворона.

– Что случилось? – поинтересовался я у Нектора.

– Там кто-то есть. – Егерь показал в сторону леса. Как бы в подтверждение его слов, из леса начали выезжать всадники.

Два, четыре, восемь, двенадцать, восемнадцать человек. До них оставалось еще метров пятьдесят. Я оглянулся на свой отряд. Мы тщательно отрепетировали свои действия в подобных ситуациях, и я с удовлетворением заметил, что тренировки не прошли даром. Все мои люди четко заняли свои позиции.

Не доехав нескольких метров до передовой группы, наша телега остановилась, и возница взял в руки ружье. Крестьяне разобрали свои пики, Прошка, положив древко балота на плечо и уперев торец в сапог, разминал кисти.

Приблизившись метров до двадцати, всадники разделились на три равные группы. Одна обходила наш отряд слева, другая справа, третья же продолжала двигаться прямо на нас. Я взвел курок заткнутого за пояс пистолета и направился навстречу. Прошка находился чуть сзади слева, а Анри ехал со мной стремя в стремя. Одежда незнакомцев напоминала форму легкой кавалерии. Я плохой знаток в этой области, но некоторые моменты показались мне подозрительными. Регулярная армия в Империи имеет одинаковые для каждого рода войск вооружение и амуницию. В данном случае такого не наблюдалось.

Теперь вся надежда на Анри и на его опыт. Мы сблизились почти вплотную и остановились. Некоторое время мы изучали друг друга.

Затем молчание нарушил один из всадников – судя по всему, главный. Густые кустистые брови, окладистая борода и

пышные усы придавали ему вид атамана разбойничьей шайки. Но на боку висела шпага – признак благородного происхождения. И еще был у него взгляд человека, привыкшего повелевать.

– Кто такие? – спросил он.

Я не спешил с ответом, внимательно разглядывая всадников, перегородивших нам дорогу. Ситуация мне не нравилась. То, что это не регулярные войска, нет никаких сомнений. С такими рожами в бандиты нужно идти, без всяких рекомендаций возьмут. Да и нервничают они, это хорошо видно. Тянуть дальше нельзя, нужно принимать решение. Их больше, и если они начнут первыми...

Я скосил глаза на Коллайна и увидел, что Анри поправляет свои щегольские усы. Этот жест по уговору означал одно – враги!

Все сомнения сразу исчезли: надо действовать, и действовать быстро. Ударом шпор послав Ворона вперед, я выхватил взведенный пистолет и разрядил верхний ствол в лицо бородача, успев в последний момент заметить его удивленный взгляд и руку, потянувшуюся к поясу. Чуть поведя пистолетом вправо, выстрелил второй раз, в его соседа, уже успевшего наполовину выхватить клинок. Сунув пистолет за пояс, обнажил шпагу.

Дальше события понеслись вскачь. Справа Анри выстрелами с двух рук свалил с лошади одного и серьезно ранил второго из находящихся перед ним трех противников. Сле-

ва Прошка, хекнув, проткнул балотом уже успевшего выхватить саблю разбойника. Удар у него получился такой силы, что лезвие балота почти наполовину вошло в тело бандита. Выпустив из рук древко копья, Проухв схватился за палаш.

Сзади разрядил свой пистолет Нектор, заставив оппонента выронить оружие и схватиться за живот. Сблизившись с последним живым из передней шестерки бандитов, мы с Анри атаковали его с двух сторон. Уже на втором выпаде он получил от Коллайна удар шпагой в грудь – и выбыл из боя. С этими все, пора на помощь остальным. Развернув лошадей, мы увидели следующую картину. Нектор, уже спешившийся, поднырнул под брюхо лошади одного из противников и, выскочив с другой стороны, стащил его на землю, успев почти полностью срубить голову палашом.

Возница, имени которого я так до сих пор и не запомнил, разрядил ружье в гущу всадников и юркнул под телегу. Чуть дальше, шатаясь, поднимался с земли Шлон с залитым кровью лицом. В каждой руке он держал по пистолету. Грохот выстрелов с обеих рук – и одна из пуль достигла цели, свалив на землю разбойника. Вторая попала в лошадь. Бедное животное взвилось на дыбы и рухнуло на землю, придавив седока.

Переглянувшись с Коллайном, мы ворвались в самую гущу врагов, раздавая удары налево и направо. Краем глаза я уловил выпад противника и припал к холке Ворона, пропуская узкую блестящую полосу стали над головой. Отки-

нувшись назад, почти коснувшись спиной крупа коня, я наугад ткнул шпагой и почувствовал, что попал во что-то мягкое. Развернув лошадь рывком поводьев, выхватил из седельной кобуры заряженный пистолет. Но добавки не требовалось: бандит сползал с седла, дергаясь в предсмертной агонии. Проухв тяжелым палахом наносил удар за ударом бородачу в шлеме, пытающемуся защититься саблей. Наконец сабля вылетела из рук бородача, и Прошка мощным ударом развалил своего противника от плеча почти до пояса. «Вот же силища у парня», – успел восхититься я, прежде чем заметил еще одного бандита, уже успевшего занести над ним свой тесак.

Закричав что-то несвязное, я выстрелил навскидку с левой руки, стараясь отсрочить неизбежное. И мой выстрел удался на славу – пуля угодила ему в висок. Я даже немного обалдел от случившегося: не ожидал от себя подобной прыти.

А события развивались дальше. Молодой парень, смуглый, с черными тонкими усиками, родственник Нектора по имени Амин с визгом вонзил пику в спину грузного бандита и, не удержавшись, сам вывалился из седла. Анри классическим кроссом воткнул шпагу в левую часть груди отчаянно отбивавшегося соперника в черной, низко надвинутой шляпе.

Я же чуть не прозевал атаку непонятно откуда возникшего врага с кавалерийской саблей в левой руке. Едва успев па-

рировать его рубящий наискось удар, я нанес свой, нацеленный в горло и оказавшийся удачным. Лезвие клинка рассекло шейную артерию – это смертельно, добавлять не надо. Так оно и случилось: силы покидали противника вместе с фонтаном крови, бьющей из раны.

Как там остальные враги? А врагов, как оказалось, уже не осталось. Двое последних бешеным галопом скрывались в облаке пыли, преследовать их никто не пытался. Правильно, не было такой команды. И не будет.

Я оглядел поле недавней схватки. На земле лежали трупы, стонали раненые. Стоял запах еще не развеявшегося пороха и крови. Чуть в стороне жалобно ржала лошадь, пытающаяся встать на ноги и снова заваливающаяся на траву. Зрелище не для слабонервных.

Проухва рвало прямо с лошади. Ничего, парень, привыкнешь. Это те самые приключения, о которых ты мечтал. По рассказам всегда все красиво и романтично, а от человека, разрубленного почти пополам сабельным ударом, воняет содержимым его внутренностей и кишок, дерьмом воняет.

Сейчас необходимо побыстрее занять бледного как полотно Прошку делом. Парень молодец – как-никак первый бой, но не растерялся, не дрогнул. А что остальные? Нектор держался рукой за предплечье, между пальцев сочилась кровь. Шлон продолжал стоять на коленях, обхватив руками окровавленную голову. Анри болезненно морщился, потирая левое плечо. Еще у одного, не помню, как зовут, невысокого, но

кряжистого мужика в выцветшей зеленой куртке резаная рана на бедре. Остальные на первый взгляд без повреждений. Сам-то я как? Прислушиваясь к ощущениям, повел плечами... Ничего, кроме небольшого жжения под левой лопаткой. И когда успели зацепить? Даже не заметил в горячке боя. Нормально, выживу.

Быстро пересчитав людей, насчитал девять. Где же десятый? Искать долго не пришлось. Возле телеги в неестественной позе лежал возница. Сомнений быть не может, он мертв. А я даже не удосужился запомнить его имя... Стоп. Эмоции потом, займемся делом.

– Прощка! – заорал я.

Парень повернул ко мне бледное, искаженное лицо, недоумевая, почему я, обычно вежливый со всеми, кричу на него благим матом. Ничего, потерпишь – это тебе же на пользу. Главное – занять тебя сейчас делом, чтобы не оставалось времени на переживания.

– Что стоишь камнем? – продолжал орать я. – Быстро лови лошадей, пока не разбежались! – И тут же скомандовал одному из крестьян: – Пелай, садись в телегу, разворачивай. Возницу положи, потом по-человечески похороним. И Шлону помощи усесться. Нектор! – Подъехав поближе к егерю, протянул ему рулончик тонкого полотна: – Перевяжи пока руку, позже серьезно займемся. И еще, – добавил я уже вполголоса, – лиги две назад с левой стороны есть холм – он там один, не ошибешься. Заезжайте за него и располагайтесь на

ночлег. Там вода рядом. Отправляйтесь немедленно, мы вас догоним. Ты, – я ткнул пальцем в мужика с раненой ногой, – сопровождаешь телегу. Остальные – ловить коней, собирать оружие, в первую очередь пистолеты и ружья. Времени у вас – пока я заряжаю свои пистолеты.

– Это до утра, что ли? – невинно поинтересовался Анри.
Я улыбнулся шутке:

– Анри, к тебе у меня особая просьба. Я хочу знать, кто они, откуда о нас узнали и все остальное прочее. Сделаешь? – Я вопросительно посмотрел на него, ожидая реакции. Анри мог отказаться, мотивируя дворянской честью: мол, допрашивать раненых врагов не позволяют жизненные принципы.

Нет, такой реакции не последовало, Анри кивнул в знак согласия, спешил. Выбрав жертву по каким-то своим соображениям, ухватил «языка» за плечи и поволок за ближайшие кусты.

– Быстро, быстро, время пошло! – снова закричал я и добавил уже негромко: – А вообще, вы молодцы, парни, даже не представляете, какие вы молодцы.

Лазать самому по карманам убитых – это не для меня, мне проще свое отдать. А вот если кто-то из парней залезет ненароком – даже не замечу, заслужили. Но оружие – это совсем другое дело, это трофеи.

Я достал пороховницу, пыжи, пули, мерку. Отсыпал порох в мерку, высыпал в ствол, уплотнил шомполом, запыжевал, закатил пулю, уплотнил шомполом, снова запыжевал. Насы-

пал пороху в затравочное отверстие, закрыл полку, осмотрел состояние кремня. Порядок. Один ствол готов. Теперь те же самые процедуры со вторым стволом. Все, пистолет заряжен. Засунув его за пояс, достал второй. Осматривая пистолет, вспомнил удачный выстрел, спасший Прошку. Сам от себя не ожидал. Не такое уж это примитивное оружие в умелых руках. Ни мушки, ни целика на нем нет – все дело только в практике.

Заряжая пистолеты, я не забывал оглядываться по сторонам. Пока все тихо, никого не видно. Только мои парни, закончив сбор трофеев, азартно ловят лошадей, оставшихся без седоков. Из-за кустов показался Анри, вскочил на лошадь, подъехал.

– Погоня будет? – задал я ему самый животрепещущий вопрос.

– Некому. У них осталось всего несколько человек – тех, которых они в спешке не смогли найти, когда собирались на дело.

– Хорошо, это главное. Собирай народ, догоняем телегу. На месте расскажешь все подробности. Сначала раненые, потом все остальное.

Анри кивнул и трижды пронзительно свистнул. Этот сигнал означал у нас общий сбор.

Глава 8

Усы и шляпа

Костер весело потрескивал, стреляя быстро гаснущими искрами в предзакатное небо. На железной перекладине исходили паром два котелка с кипящей водой. Народ, еще возбужденный после схватки, обсуждал перипетии боя. То и дело слышался смех, который тут же смолкал, когда вспоминали об убитом возчике.

Веселитесь, парни, веселитесь, мне же пора заняться раныными. Тонкого полотна, разрезанного на рулоны, хватало с избытком, этим добром я запасся основательно. Имелось у меня и одно радикальное средство в виде парочки пятилитровых медных бутылей, обшитых кожей, – самогонка, выгнанная из забродившего винограда и дважды отфильтрованная через древесный уголь. Я не специалист, но, по моим ощущениям, крепостью градусов семьдесят.

Этот мир еще не знал такой технологии, и я не торопился ее внедрять. Слишком много бед принесли крепкие напитки в мой мир. Если они появятся независимо от меня, тогда да, я свое с этого поимею.

Начнем, пожалуй, со Шлона, как с самого тяжелого. Шлон полулежал на подстеленном одеяле, опершись спиной на седло. Голова его, залитая уже засохшей кровью, выглядела

ужасно. Омыв рану охлажденной в ключе кипяченой водой, я выяснил, что Шлон лишился приличного клочка кожи над левым ухом в результате сабельного удара. Насколько я мог судить исходя из своих скромных познаний в медицине, черепная кость не пробита. По крайней мере, мозгов не видно. А вот контузию от удара егерь получил приличную. Сотрясение мозга как минимум. Есть ли внутренняя гематома – мне не определить. Будем надеяться на лучшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.